

Устинов Николай

Поной – городок, Москвы уголок

Жизнь в подмосковной деревне

0+

Николай Устинов

Поной-городок, Москвы уголок

«Автор»

2019

Устинов Н. Т.

Поной-городок, Москвы уголок / Н. Т. Устинов — «Автор», 2019

Книга, которую можно назвать книгой-мозаикой - так причудливо в ней слиты в один узор разноцветные воспоминания о дестве, о матери, о родном селе, которое превращается в заброшенный островок жизни, в который так хочется вернуться автору. В очерках, написанных в разное время, Николай Устинов представил настолько свежие, лишенные шаблона описания природы, что хочется их перечитывать снова и снова. Восхищают оригинальные описательные обороты, меткие выражения, неизбитые сравнения и метафоры. Это произведение проникнуто болью за уходящую в прошлое русскую деревню, в нем ощущается равнодушный взгляд талантливого автора. А главное – эта книга – рукотворный памятник селу Поной, его истории, которая продолжается в людях, крепко связанных чувством любви к своей малой родине.

© Устинов Н. Т., 2019

© Автор, 2019

Отзывы читателей о книге

Прочитав книгу Н.Т.Устинова «Поной – городок, Москвы уголок», не могу не поделиться своими впечатлениями. Хотя в Поное прошли лишь первые четыре года моей жизни, воспоминания об этом уголке земли, впечатления о той жизни, чувства единения с родиной предков живы во мне и в членах моего немаленького рода. Сам Николай Трофимович для меня не просто односельчанин, а человек, к которому лично я испытываю чувство благодарности, потому что он был причастен к становлению моего старшего сына. Эти два немаловажных для меня факта явились причиной того, что, услышав о книге Николая Трофимовича, я не могла не обратиться к её прочтению, а читая, ощущала себя именно собеседником: будто сижу с ним рядом, за столом, и участвую в беседе, погружаясь в воспоминания о родном селе, о людях, близких, родных, знакомых и о тех, кого уже не застала в жизни. Воображение уносит в места, сохранившиеся в памяти: «седые выветренные скалы с врезанными в камень морщинистыми ликами», река, «устремляющаяся в коридор скалистых берегов», мостки через всё село, «прорубь на реке», дизельная (там работал отец).

О Поное, о понойчанах я узнавала из рассказов родителей, сестёр, братьев, книга же открыла мне новые стороны жизни: сенокос, работ на тоне в бывшем колхозе «Север», дровосечка, зверобой, избомытье, ларёк в бывшем Филимоновском доме, а ещё люди, самозабвенно любившие своё село, работающие на его благо и процветание, жившие ради детей своих и не задумывавшиеся о том, какая горькая участь постигнет их родной уголок.

Есть в книге отдельные места, особенно дорогие моему сердцу. Это строки о моём отце, Совкине Иване Фёдоровиче. Николай Трофимович на страницах своей книги выразил ему признательность и благодарность. К сожалению, мои дети не застали деда живым – он ушёл из жизни задолго до их рождения. Но мне видится знаковым, что именно Николай Трофимович, работая в ПУ – 26, стал мастером группы, в которой учился мой старший сын, и обучил его премудростям, полученным когда-то от моего отца. Будто невидимую связующую нить протянул от деда к внуку.

Хочется отметить подмеченную не только мной, но и многими, с кем посчастливилось обсуждать книгу, особенность, самобытность писательского слога Николая Трофимовича. Восхищают оригинальные описательные обороты, меткие выражения, неизбитые сравнения и метафоры. Особенно, на мой взгляд, автору удалось описания природы. Отдельные куски текста я перечитывала с наслаждением, выписывала их и зачитывала своим ученикам.

Книга о Поное не была бы правдивой, обошёл бы автор без слов поморского диалекта. Поморские словечки, звучащие со страниц книги, словно окунают в атмосферу села. Часть этих слов, ничтожно маленькая, была известна и мне – моя мама часто употребляет поморские слова, знает немало пословиц, понойских приговоров. Книга же Николая Трофимовича может стать пособием для желающих изучить разнообразие поморских слов.

А главное – эта книга – рукотворный памятник селу Поной, его истории, которая продолжается в людях, крепко связанных чувством любви к своей малой родине.

Н..Куроптева

Перед тобой, читатель, книга, которую можно было бы назвать книгой-мозаикой – так причудливо в ней слиты в один узор разноцветные воспоминания о детстве, о матери, о родном селе, которое превращается в заброшенный островок жизни, в который так хочется вернуться автору- Николаю Устинову.

Поной – это поселение поморов, которые «жили в ладу с землей и с морем», строили своими руками дома на берегу строптивой речки, ловили рыбу, держали скотину- обустроивали нехитрый быт.

Автор вспоминает, как тяжело трудились деревенские мужики, называя их по именам, вспоминая тех, кто передавал подросткам, среди которых был и он, Коля Устинов, навыки управления карбасом, выхода в море на ловлю семги.

Поэтичны воспоминания детства – о цветущем багульнике, подступающем по сопкам к деревне, желанной домашней баньке, которая дарила не просто чистоту, а «благостный покой». Любовью проникнуты строки, посвященные матери.

В любом времени года автор находит необычайную привлекательность.

В очерках, написанных в разное время, Николай Устинов представил настолько свежие, лишенные шаблона описания природы, что хочется их перечитывать снова и снова.

Чего стоят такие примеры: «багульник плотный, ярко- фиолетовый, будто с неба пролились тысячи чернильниц»; «скалы- это рубеж, за которым ветер из циника превращается в безвольного подпевалу».

Это произведение проникнуто болью за уходящую в прошлое русскую деревню, в нем ощущается равнодушный взгляд талантливого автора.

Т.Тупицкая.

Поной – городок, Москвы уголок.

*Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.*

А.С. Пушкин

Предисловие

Немало губительных поветрий, выдававшихся за социальное и экономическое благо, пронеслось над поморской деревней в минувшие десятилетия. Ещё в 60-годы, когда по чьему-то недоброму и неумному умыслу шла ликвидация неперспективных деревень, сёл, жители тогда вынуждены были покинуть сёла Дроздовку, Варзино, Воронье..

Тогдашних жителей фактически насильно перевезли в перспективные, по разумению чиновников, поселения. Старшее поколение хорошо помнит эту ширококомасштабную ликвидацию так называемых неперспективных сёл и деревень.

Моего родного села коснулось это в 70 – годы. Людей фактически депортировали, и это было настоящей жизненной драмой. Люди потеряли нить жизни. И всё же, несмотря на все-сокрушительные бури нашего века, память у людей уцелела. Люди сохранили историческую память о своей малой родине и по сей день.

Мы смотрим в будущее, оглядываясь на прошлое и должны всегда помнить о своих истоках, о неразрывной связи времён. И как знать, может, придёт тот день и село Поной и другие деревни вновь появятся на карте Кольского полуострова.

Поной – это земля моих предков. Мы коренные народы, поморы, по паспорту русские, но кровно связаны с малочисленными народами, проживавшими в нашем селе. И жили все единой, дружной семьёй. Пасли оленей, ловили рыбу, добывали морского зверя. Картофелем, овощами и молоком ни у кого не одалживались, имели своё. Административный зуд укрупнения докатился и до нашей глубинки. Колхоз упразднили, село смели с лица земли, а жителей собрали в районное село Ловозеро. Через десятилетия, когда были проданы реки, пастбища и река сёмужья, хватились, а поздно. Там, где был картофель, овощи и другие сельскохозяйственные угодья, порос бурьян, пастбища, луга оскудели, а люди разъехались.

Более 400 лет стояло на берегу реки Поной одноимённое село. Река впадала в Белое море. И не зря выбрали люди её каменистые берега, и она в благодарность платила им щедростью и обилием рыбы. Всё выдержало село: и шведские набеги, Гражданскую и Великую Отечественную, разруху. Долго приходило в себя село Поной. Дело ведь не в том, что лишилась оно многих крепких мужицких рук. Смятение и страх тоже ломают людей, косят не хуже, чем пули. А помогло понойчанам выжить, прийти в себя, только единственное – вера, что всё было не зря и не напрасно. Вера по нынешним временам наивная и многими отрицаемая как ложная. Как бы там ни было, но именно вера помогала поднимать колхоз «Север».

Одни названия чего стоили! Чкалов, Память Ленина, Искра, Большевик... Разве опустошенный, разуверившийся человек такие слова помнит? Отпритчивав и отплакав, село бралось за своё извечное дело – ловило рыбу, пасло оленей, строилось, растило детей. И вот пробил его час.

Может, сёла, прожив своё, умирают, как люди, и нет в этом никакой трагедии? Не знаю. Но почему так щемит сердце, когда смотришь на заброшенные сельские дома, на дворы, где по весне буйствовала берёза и смородина, посаженные когда-то людьми на долгую жизнь. Вот таким было село более тридцати лет назад.

Причины всем известны, о них говорено-переговорено. Укрупняли совхозы и порушили на том основании не только моё село. И от этого удара Понойю было не оправиться. Три четверти его жителей разбежались кто куда, в основном в города, поближе к хорошим дорогам, школам, клубам. И то, что не смогли сделать ни шведские набеги, ни две войны, ни разруха, было сделано дуроломной политикой укрупнения. Из села будто вынули душу, лишили её надежды. И стали добывать царицу-сёмгу чужие, равнодушные люди – те, кого пошлют. Умирало село Поной, крошечная точка на карте России, песчинка, затерянная в бескрайной тундре...

А перед этим районное начальство на последнем собрании колхоза обещало чуть ли не золотые горы. Признаюсь, такие посулы, выданные чиновниками, как говорится, с порога, прямо в лоб, меня, да и не только меня, но и других жителей села Поной несколько обескуражила. Жителей будто подхлестывала очевидность и ясность ответов выступающего номенклатурного работника, будто всё хотелось поймать его на каком-то противоречии. Так вот говорю сейчас: совсем не здорово живётся сегодня бывшим жителям моего села. Странно звучит, но сама идея создания совхоза на базе двух колхозов самостоятельного хозяйства имела под собой не столько экономическую, сколько политическую почву и исходила от Ловозерского райкома партии. В то время колхоз «Север» был одним из первых колхозов – миллионеров. А политика состояла в том, чтобы создать уставшим от тягот «захолустной» жизни людям нормальные условия, вернуть в умирающее село разбежавшуюся по городам и весям.

Вот эти «радители», каждый в своё время и приложили усилия к ликвидации «неперспективного» села Поной и скороспелого выселения его жителей, разрушили культуру, старину и уклад жизни древнего поморского села. Да пробовали люди восстановить и вернуть всё на круги своя. Но то ли не хватило им напористости или умения выколачивать деньги на строительство или праздность их была сильнее, но ничего из этого не получилось. Пусть не судят меня слишком строго бывшие понойчане за подобные слова. Но без любви и веры в это село, в этот край, не посмел бы я высказать в глаза эти обиды. Просто больно видеть продолжающийся процесс обмена тетёрки на коня, а коня на корову... Есть такая сказка, где в итоге петушка меняют на батожок, с чем и пришёл старик к старухе... А далеко ли можно уйти с батожком в руках?

И до сих пор тянет обратно в родные места. И как часто вспоминаются приезды в Поной, где, привыкнув, можно снова вобрать в себя свет полярных ночей, когда солнце за каких-нибудь полчаса скатится по склону сопки с запада на восток и, зацепившись за гору, вскарабкается и вновь заиграет чешуйками воды, превратив море в одну серебристую рыбину. «И радость, и горе помору – всё от моря» – говаривали в старину. Какое-то тревожное чувство остаётся после каждой встречи с селом. И чем дальше, тем острее. Словно дали тебе прикоснуться к давно забытому, почти неосозаемому, что в детстве, давным-давно, хорошо знал и понимал. А с годами забыл, замутил!

Родная сторона! Тут бы и поставить точку. Мол, всё хорошо. Как бы то ни было, обустроили жизнь людям. Тем более, что по нынешним временам, такое событие не редкость.. Но точку ставить рано.. Пребывают в тревоге понойчане, и не ясен их завтрашний день.

И очень обидно, когда колхоз, едва-едва, ценой огромных усилий и энтузиазма – да – да, именно это слово здесь уместно – вставший на ноги после таких катаклизмов, получавший миллионные прибыли, был раздавлен дураломной политикой.

С каким-то смешанным чувством тревоги и вместе с тем надежды я улетаю в очередной раз из Поноя. Тревога-это понятно. Мало, наверное, найдётся сегодня по России людей, кто не был бы встревожен. Но есть ли надежда? И на что? На то, наверное, что не умерла ещё в людях душа и что не всё, слава богу, измеряется рублём и что можно, оказывается, «рвать постромки» только из любви к своему селу.

Выражаю искреннюю признательность и сердечную благодарность за оказание финансовой поддержки в издании книги Андрею Кокаровичу Рейзвиху.

А также благодарность коллективу Ловозерской библиотеки за помощь в оформлении книги, Владимиру Михайловичу Кузнецову за предоставленные фотографии, Тамаре Николаевне Тупицкой за редактирование книги.

Поной – маленькое, уже поверженное, доживающее годы, а может, месяцы или даже дни, село. Уже обескровленное, наполовину вырубленное. Каким оно было раньше, когда в нём кипела жизнь? С какими мыслями, какими надеждами здесь жили люди, ставившие доброт-

ные, прочные, тёплые дома, в которых любили, рожали, растили детей, откуда уходили, чтобы обязательно вернуться? Ничего этого я никогда не узнаю.

Передо мною настоящее, которое уже давно стало прошлым. Археологический факт современности, который я пытаюсь понять. Прошлое понимать гораздо легче, чем настоящее. Прошлое – это всегда только схема, скелет, с которого снят покров индивидуальности. Скелеты людей, у которых при жизни нельзя было найти ни одной общей черты, теперь удивительно похожи друг на друга.

И всё же мне не по себе, когда я разговариваю со здешними жителями, живущими в преддверии неизбежного отъезда. Они говорят о том, что было, о своей прошлой жизни, как о чьей-то другой, потому что между ней и теперешней пролегла глубокая пропасть, края которой уже никогда не сойдутся. Даже если произойдёт чудо, ничто не вернётся «на круги своя».

Страшнее всего, что осознание этого их не возмущает. Тот факт, что жизнь расколота надвое, их теперь вроде бы не трогает. И это не бесчувственность, не непонимание. Это – смирение.

Вместе со смирением приходит безразличие. Ко всему. Даже к самому себе. Остаётся единственный импульс: продержаться... До чего? Было бы, наверное, легче, если бы они возмущались, требовали вернуть колхоз, просили о помощи. Это стало бы свидетельством их жизнеспособности, сил, желания переиначить случившееся. А вот так смириться, жирным крестом равнодушно перечеркнуть жизнь свою и своих близких, прошлое своего рода и своей земли...

Та, которой жили они, была настолько трудна и тяжела, что, возможно, выработала в людях не смирение, как представляется мне, а такое вот сверхъестественное терпение. И за ним вовсе не отчаяние, а глубокая мудрость человека, не привыкшего лезть на рожон, не передёльвать зиму в лето, а следовать природе, воспринимая и этот поворот событий, разрушающий до основания столетиями возводимый порядок как очередное стихийное бедствие, человеку неподвластное. Может быть, и так.

Поморские сёла, стоящие на этих берегах и четыре, и шесть веков, должны теперь согнуться, исчезнуть, уйти в «город». А ведь вопрос не в том, кто и как будет этот самый «город» кормить. Вопрос совсем в другом. Что свяжет человека с землёй, с природой, от которой его и так уже оторвала современная цивилизация? И то, что деревня сейчас предстаёт перед нами в самом неприглядном своем виде, в развале, в пьянстве в бессмысленной, преступно низко оплачиваемой работе, от результатов которой зависит не только существование народа и государства, потому что от железок и химии ещё никто сыт не был, но и само здоровье нации, – явление не только закономерное, но, прямо сказать, искусственно созданное, временное, которое требует своего скорейшего исправления... Я уверен, что через пять-десять лет снова потянутся люди из городов в село, поняв выгоды трудной и в то же время многократно окупающей себя работы на земле. Но к чему им будет возвращаться? К каким пепелищам? Труднее всего начинать сызнова, когда перед глазами как предупреждение высятся развалины надежд твоих предшественников. Вот почему надо так бережно относиться к наследию прошлого, в том числе и к деревне российской, сохранив всё, что ещё возможно из стоящего на земле: дома, поля, дороги, тропинки.

Дороги долговечнее людей. Спустя полсотни лет находишь в лесу дорогу, всё ещё соединяющую давно уже не существующие деревни. Вот и здесь люди почти совсем ушли, а тропинки, выбитые их ногами и ногами предшественников, ещё ведут тебя по кругу их былых забот, к заброшенным полям, к зарастающим покосам, ветвятся причудливой сетью вокруг деревни, ведут к бывлым коровникам, к новому сеновалу, к электростанции, на аэродром, на берег...

Приглядываясь к ним, пройдя из конца в конец, по этим тропам при желании можно прочесть всю историю Поноя; так много требовалось настойчивых человеческих ног, изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение утаптывающих мириады песчинок, срывающих с

камня медлительный цепкий лишайник, чтобы тропа оказалась вбитой так глубоко, не зарастая полярной березкой и ивой, не разрушаясь упорными здешними ветрами...

Земля не может остаться пустой? Рано или поздно на место ушедших придут другие, новые, которые первым делом возьмутся за перестройку деревни, так и брошенную когда-то на полдороге, уже не прося вышестоящее начальство о снисхождении, а требуя, ставя его перед свершившимся фактом?

Не случайно все медали и грамоты ВДНХ получал колхоз-миллионер, а не государственные хозяйства. Люди знали и любили свою землю, привыкли трудиться на совесть, с верой в полезность того дня, которое идет на пользу всего общества, а не только для них одних. Как можно было не помочь им? Как было не снять с них лишнюю, бесполезную нагрузку?

А между тем все левые директивы, исходившие сверху – объединение, расширение – просто подрывали доверие людей, веру в разумность и нужность своего труда, подрывали доверие к основному принципу «каждому по труду». Но труд не оправдывал себя, потому оказывался бессмысленным в своём общественном выражении... Теперешнее поморское село, поневоле сохраняющее не только оболочку, но и внутреннюю структуру традиционной жизни, должен превратиться в посёлок рыбаков, с новыми своими укладами, которых с неизбежностью требуют преобразования. Он должен быть насыщен культурно-бытовым обслуживанием, связью, транспортом, медицинским и научным персоналом; у жителей должны быть своя электростанция, клуб, своя школа, телекомплекс и все остальное, что необходимо для современной жизни, что отвлекает молодёжь в города.

Надо ликвидировать не колхозы, а то множество грабящих колхозника и общество, инстанций, которые мешают прямому контакту хозяйства с государством, производителя с потребителем! Почему кто-то, а не колхоз, должен обрабатывать выловленную колхозниками рыбу (фактория «Лахта»)? Почему они сами не имеют право это делать? Ведь колхоз – это единственная у нас демократическая форма решения всех хозяйственных вопросов, когда в управлении участвует каждый член коллектива. Общее собрание колхозников – вот главный орган колхозного самоуправления, позволяющий вести оперативную финансовую политику, менять направление хозяйственной деятельности, менять структуру хозяйства...

Всё это на бумаге? Всякая действительная инициатива глушится сейчас же сверху? Но разве использование микроскопа в качестве молотка указывает на то, что микроскоп себя изжил, а не на что-то другое?

Потому что именно колхозы, а не совхозы и госхозы, как это ни покажется странным, несут в себе зародыши социалистического общества. Об этом писал, это подчеркивал, на это указывал В.И. Ленин. В кооперации он видел отнюдь не способ приобщения единоличника к коллективному труду. Это с успехом делается на любом предприятии, на стройках, в исправительно-трудовых лагерях и тому подобных организациях для приобщения коллектива к управлению экономикой государства, к коллективному управлению.

Разве колхозник или председатель колхоза виноват, что получает «свой» план сверху, в директивном порядке, составленный неизвестно кем и никаких реальных оснований не имеющий?

Будущее русского Севера – вот за такими маленькими, экономически сбалансированными силами, которые не надо расширять и «укрупнять», как пытались когда-то делать. Люди должны сами выбирать свой путь и свой завтрашний день. Только тогда они и смогут почувствовать его хозяевами.

«Направленный» в деревню для руководящей работы человек, не чувствующий, а часто и не понимавший самой сути деревни в первую очередь пытался её переиначить, если не на городской, то на поселковый лад. Ему интуитивно хотелось обрубить, уничтожить, выкорчевать те корни местной жизни, на которых он то и дело спотыкался. Они ему были непривычны и непонятны, они мешали и раздражали. Мечтая о созидании, он первым делом принимался

за разрушение. Может показаться странным, но именно с разрушением в деревне давно смирились. Не потому, что деревенские жители читали М.Е. Салтыкова-Щедрина, в частности, «Историю города Глупова», а потому, что такова была жизнь на протяжении многих десятилетий.

А деревенский человек лучше городского знает, что плетью обуха не перешибёшь, поэтому начальству перечить не следует. Что-то ломают, что-то останется, как-нибудь приспособимся. В действительности их страшило не настоящее, а будущее. Не только их деревне, как они видели, – всему прежнему, привычному для них миру, в котором они родились, выросли и привыкли жить, приходит конец. И этот конец начнется со сменой поколений.

Вот и в этот раз вместо того, чтобы пройти по древним стойбищам, уйти от современности в тысячелетие прошлого, мы идём по развалинам того мира, который строили десятки поколений русских людей. Не только здесь, на всем пространстве России. Строили, чтобы передать этот мир в наследство нам, чтобы мы сделали его ещё лучше, ещё богаче, ещё красивее, ещё удобнее для человека.

А мы его разрушили. За несколько десятков лет мы сумели разрушить то, что создавалось веками. Вырвать с корнем, вырубить так, чтобы не осталось и следа. Это был далеко не первый, скорее, последний удар, которым добивали поверженную русскую деревню, приклеив на его фасад не подлежащий обжалованию приговор «неперспективная».

И как не вспомнить прозвучавшие когда-то в самом начале – злые, ненавидящие, но пророческие слова уезжавшей из России Зинаиды Гиппиус: И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь!

Люди не смирились, они продолжали бороться за право жить на своей земле и в своём доме, за право самим выбирать своё будущее.

Привыкнув всю жизнь единоборствовать стихиям, терпеливо пережидать ненастье, свалившийся на них произвол поморы восприняли как очередное стихийное бедствие, которое надо пережить. Сами они жили в ладу с землёй и с морем, верили в собственные силы, их не страшил тяжёлый труд, поэтому, несмотря на невзгоды времени, они сохраняли надежду на лучшее будущее, которое готовы были строить своими руками, только бы им в этом не препятствовали... Похоже, это время наступило. Оно пришло вместе с новым поколением, которое не могло и не хотело жить по-старому, с новыми идеями и с новыми требованиями к обществу и к человеку, что привело к яростным схваткам между сторонниками и противниками нового курса. Люди маленького кусочка России, которые живут одной жизнью и одними заботами со всей нашей страной. И в этом плане они, я надеюсь, могут послужить читателю примером «к познанию России» Как назвал последний труд своей жизни замечательный русский ученый и мыслитель Д.И. Менделеев.

1975 год

Багульник

Вы видели, как цветёт багульник? Нет, не просто багульник, а целые сопки – большие, маленькие и совсем огромные. Это рассказать невозможно. Снизу и до самых макушек они делаются оранжевыми, фиолетовыми, розовыми. И запах от него-на всю тундру. Запах прямотаки сильнейший, приятный, немного конфетный издали и одуряющий вблизи. Голова начинает кружиться, будто человек сладкого чего-то объелся или браги ягодной перепил. Багульник плотный, ярко-фиолетовый, будто с неба пролились тысячи чернильниц. Снизу то теплыми, то холодными толчками начал наплывать плотный, вязкий, сладкий, как помада, багульниковый запах. Над высокими горами, высоко, в куполе неба всходило, пучилось, дымно темнело облако. Сквозь него ещё пробивался свет, падая пучками на багульниковые сопки, пламенно и

больно зажигая их оранжево, фиолетово, розово. От их кровавости невозможно было отвести глаза. Багульниковые сопки потеряли цвет, будто вылиняли от солнца или смыли с них акварель летние проливные дожди. Они сделались бурыми, почти коричневыми, под цвет багульниковой листвы, отяжелели, грубо выперли к небу свои горбы.

Баня

Утро севера – сонливое, скупое -

Лениво смотрится в окно волоковое;

В печи трещит огонь – и серый дым ковром

Тихонько стелется над кровлю с коньком

А.А. Фет

Был светлый тёплый день. Солнце не изнуряло землю зноем. Шаловливый ветерок, играя, срывал с березок пожелтевшие прозрачные листья, кружил их в воздухе и бережно опускал на примятую дождями траву. Стояли прозрачно – ясные дни бабьего лета. Над деревней, купаясь в пуховых облаках, длинными вереницами тянулись гуси, утки. В воздухе плавали паутинки, освещенные нежарким осенним солнцем.

Я торопился с Терско-Орловского домой. Всё лето мы, подростки- Куроптев Саша, Куковеров Лёша и я- сидели на тоне, где бригадиром был Григорий Павлинович Куковеров. Мы ловили боярышну-сёмгу наравне со взрослыми, получая за это 0,5 пая. Вот сейчас бригадир отпустил меня домой: пришёл вызов из Архангельска (я поступал в лесотехнический техникум). Порато¹ соскучившись по дому и домашней баньке, ноги сами несли меня по знакомой натопанной тропе, мимо ручья Губного, а дальше тундрой до реки Русинги, а от неё уже рукой подать до Поной.

Дни становились прозрачнее, по утрам подмораживало, обметывало инеем траву, но иней держался недолго, тут же таял, а к полудню припекало настоящим теплом, словно лето одумалось и возвращалось снова. Дойдя до реки Поной, я крикнул перевоз, здесь же затарахтел мотор и на катере подъехал Володя Шошин, мы благополучно переправились с ним через реку, и я шагал уже по мосткам², замечая что-то да новое, происшедшее за три месяца. Вот у кого-то новый забор, а сосед справа заменил мостки, кто-то соорудил новую стайку для овец. Перед каждым двором были навалены горою моребойные³ чурбаки, люди запаслись дровами на зиму. Звонче отдавалось эхо, и любой звук разносился по селу, и далеко окрест стучали по поленьям колуны и топоры, блеяли ягнята и овцы, стонущая взахлёб, где-то выла бензопила, вгрызаясь в сухое дерево. Неподалёку от магазина, в небольшом ларьке, когда-то бывшем Филимоновском доме, а ныне предназначенном для продажи керосина собиралась очередь. Люди запасались керосином, хотя село было сплошь электрифицировано, но на всякий случай делали и запас керосина. А вдруг сильный ветер, который не редкость в наших краях, частенько проникал в село, ибо дуло, как из трубы. Или, не дай бог, электростанция сломается. Не зря в Поное бытовала пословица: « Там гора, тут гора, в небо дыра-вот и Поной». А под вечер, ближе к закату, тянулись в небе косяки гусей, и печальный, разлученный крик их брал за душу. Застя ладонями глаза от солнца, люди поднимали головы, где бы ни застал их этот крик – на огороде, во дворе, в поле или бредущими по улице – и с непонятной тоской глядели вслед. Будто и не гусей провожали, а что-то отрывали от сердца, прощались с чем-то навсегда.

Наносил воды, нащепал лучины. Без лучины дрова начинают модеть⁴. Еловое полено попало гладкое, сухое: едва только коснешься косарём, лучина так и отскакивает с треском. И в печке она взялась сразу, смолистые сухие поленья вспыхнули, загудели, даже нисколько не шаяли⁵. Густой, едкий дым, точно молоко, сочился сквозь каменку, скапливался у потолка и опускался всё ниже. Защищало глаза. Дрова зазниялись⁶.

Три раза накидывал дров, чтобы прогреть как следует баню, заодно уважить баенника⁷. Уже не дым, а огонь пролизывал камни, вода в котле едва не кипела. Когда угли прогорели, и выветрился угар, заткнул трубу (баня топилась по – чёрному). Дав баньке с часик настояться и после того, как мама нашоркала⁸ её вехтем⁹, сразу же рванул в первый жар. В давно желанную домашнюю баньку, отмыться там, попариться, пообмякнуть душой и лежать с блаженным покоем на сердце. Поплескал на каменку из ковша. Зарокотало, зашипело, будто бы взрыв вырвался из печки. Горячей волной отдал пар, ноздри обожгла знойная сухость, и резче запахло веником. Хорошо прочищает грудь березовый запах. Забрался ещё выше и, задрав ноги, покалил их, похлестался веником до красноты. Вскоре не было уже сил шевельнуть ни рукой, ни ногой, долго лежал на полке, блаженно закрыв глаза и ощущая, как тело постепенно наливается лёгкой истомой, становится невесомым.

На улицу выскочил, словно слегка пьяный. В глазах рябило, во рту ощущался сладкий привкус, почему-то казалось, что тропка качается под ногами, как бревно на плаву, видать лишку попарился. Быстрей бы добраться до дому, где в холодных сенях у мамы стоял в пятилитровой банке настоящий хлебный квас, настоянный на солоде. Выпить залпом и пройтись по чистым брезентовым половикам босиком, потом лечь на них и долго лежать, наслаждаясь белизной и чистотой половиков, нехотя скользя утомлённым взглядом по солнечным теням, прыгающим по стенам. Каждую субботу мама мыла и шоркала сени, настилая полы выбеленными половиками, и в этом тоже был свой особый шик. Была, конечно, в селе и колхозная баня. И с окончанием работы – первым делом, конечно, баня. Как не попариться после трудов, праведных? Понойцы любят свою баню, гордятся ею. Ещё загодя, в пятницу вечером, жестяная труба бани дымит, как первобытный паровоз. Утром в субботу начинается шествие. Мужики несут в сумках чистое бельё и сверху-берёзовые веники с пожухлыми листьями. Бабы ведут за руку детишек, несут тазы и шайки. В парной на полку, только и разговоров, про рыбу. Парная понойской бани заменяет народу парламент. Тут, на полку, под шипенье пара, обсуждаются все важные вопросы, волнующие понойчан-урожаи, дожди, смерть человека или рождение....

1. Порато. Очень. Зимой тёмно порато. Поной.

2. Мостки. Настил из досок на улице, во дворе, в хлеву. Ф стайке-мос, во дворе-мос. Поной.

3. Моребойные. Дрова, собранные на берегу моря. Поной

4. Модеть. Тлеть. Прет да модет-ничёго не горит. Поной.

5. Шаять. Тлеть, гореть без пламени. Головёшка огнём не горит, а шает. Поной.

6. Зазнялись. Затлеть, начать гореть без пламени. Зазнялись дрова ф печки, запахло от них, дровами пахнёт. Поной.

7. Баенник. Сверхъестественное существо, якобы живущее в бане. Ты баенника боисса. Поной.

8. Нашоркала Шоркать. Тереть. Скоблить. Избу моем, стены ножикама, голикама шоркам. Поной.

9. Вехтем Тряпка для мытья, веник, сделанный из берёзы или можжевельника. Поной.

Бревенный порог

*По чьей речке плыть
Той и славой слыть*

Поморская пословица

За всю мою жизнь мне трижды приходилось спускаться на лодке через Бревенный порог. Дважды мы спускались с Долгих Павлом Ивановичем и моим шурином Куроптевым Виктором

Савватеевичем. Третий раз спускались с шурином. Порог назван Бревенным не зря. Через него сплавливали лес, и ломало брёвна, очевидно, отсюда и название Бревенный.

Из Каневки мы выехали ближе к полудню. Само солнце, словно потеряв за ночь свои очертания, расширяется далеко во все стороны, рассеивается и незаметно переплавляет своё яркое золото в спокойную свежую голубынь. Далеко, очень далеко видно вокруг! Солнцу осталось прокатиться всего несколько оборотов, теперь его диск напоминает обсосанную шайбу красноватой карамели. На белом до боли небе цепь синих перистых облаков, словно следы на мартовском снегу. Охристое полотно воды заштриховано тенями ветвей. Сквозь редкий серый туман, как сквозь сигаретный дым, темнеет зелень берегов.

До глубокой темноты осталось несколько сумеречных часов. Мы должны ими воспользоваться, чтобы успеть к порогу. С Бревенного стали спускаться в самое неподходящее время – под вечер и в дождь. Такая погода не редкость, даже в сенокос стоит только задуть моряне и, глядишь, замутилось на горизонте, посерела и зарябила вода в реке, по-осеннему зашумели деревья, а небо всё ниже приникает к земле, давит на душу ожиданием чего-то. Иной раз с полусуток всё примеривается погода, потом вдруг оторвётся ветер, тихо станет вокруг-да так, будто всё на свете сразу перестало дышать, и вот уже пошёл он, не желаемый, мелкий, как из частого сита, дождь.

Река миновала плато. Она устремляется теперь в коридор скалистых берегов. Стиснутые отвесными скалами кипящие пороги сменяются спокойными и глубокими плёсами. Не одна жизнь туристов оборвалась на этих коварных порогах. На скалах, омытых дождём и отшлифованных ветром, ни пылинки. Только карликовые берёзы- скалолазы держатся в расщелинах, растопырив пальцы корней. Седые выветренные скалы с врезанными в камень морщинистыми ликами, крошево и плитка у подножья – остатки древней мозаики. В поисках прохода между скалами река вьётся бесчисленными излучинами, течение здесь особенно бурное. Быстрины, бурые тюленьи спины камней – управлять лодкой невозможно. Тут прибегаешь к испытанному приёму – отдаешь себя на попечение стихии. Отскакивая от валуна к валуну, покружив немного в последнем водовороте, лодка слегка покачиваясь, успокаивается наконец в свежем мощном течении.

Река резко сворачивает к югу. Скалы – это рубеж, за которым ветер из циника превращается в безвольного подпевалу. Влажный тёплый воздух убаюкан берегами. Тишина такая плотная, что из неё можно кроить пиджаки. Узкая песчаная отмель посреди реки. Русло проходит то слева, то справа от неё. Приходится всё время менять курс. Миновав отмель, лодка снова набирает ход. Теперь надо успеть к последнему порогу дотемна. И тут случилось непредвиденное: заглох мотор и бешеной струёй лодку понесло к камням. Виктор Савватеевич на всякий случай сидел на вёслах, но после отчаянного гребка вёсла лопнули и сломались. И тут я уже, не ожидая, что мотор заведётся, просто от отчаяния дёрнул за пусковой шнур, и мотор, стреляя и чихая, завёлся. Лодка набрала скорость и на полном ходу стукнулась о камень, в результате столкновения вышибло верхнюю доску, и только случайно лодку развернуло и бросило к скалам, где был пятачок приблизительно метр на метр, что позволило нам пристать к берегу. Бросив спальники прямо на камни, несмотря на затянувшийся нудный дождь, мы моментально уснули.

Отдохнув от пережитого, продолжили начатый спуск. Берега расплываются, отдаляясь друг от друга, лодка посреди реки – как тень большой птицы. С правого берега сползает в воду скала, словно полузатопленная гигантская лодка.

Последний пережат перед деревней. Он полог и вроде бы доброжелателен. Слишком полог и слишком доброжелателен, чтобы его принимать за пережат. Его лепет грохнет в тумане, для нас его попросту нет – и не было никогда. Наши мысли уже на пережате. Далёкое падение воды доносится сюда, словно шум ливня над полем. Берега сужаются, растущие по краям и округлившиеся в тумане, карликовые берёзки скатываются с обрыва, словно отрубленные

головы. Течение реки и грохот перепада спешат друг другу навстречу. Русло всё круче уходит вниз, река словно летит под гору. Течение выносит лодку на плёс, принявший здесь форму капли, в узком перешейке которого их приветствует громыхающим маршем перепад.

В Поной приехали в темноте. Дождь перестал. По всей деревне светилось два-три окошка, да и те каким-то робким, лампадным светом, в остальных домах, еле видимых во тьме, не было никаких признаков жизни. Но вот зажегся обнадеживающий свет в соседней избе, затем в моём доме. Скрипнула дверь, вышла, встречая нас, моя мама. Наконец-то мы дома!

1974 год

Бухта революции

*Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит-
То прянет, то отхлынет прочь.*

А.А. Фет

Струги воды хлестали в оконце нашей маленькой рыбацкой избушки, что расположилась на лужайке, покрытой незабудковым голубым ковром. Вода стекала на землю мутными потоками. Изредка поблескивала молния. Этот весёлый шумный дождик принесён с юго-запада и назван шеллонином¹. Поморы называли его в честь родины дедов и прадедов – новгородчины, где течёт река Шелонь. Ветер из отчего края, добрый, тёплый, обычно к вечеру стихал и, по словам стариков, «уваливался в постель к женке», никогда ей не изменяя.

С полуночи, не переставая, дул ветер – зябкий, бесприютный, словно бобиль-бродяга. Ночи летом в наших местах светлые: солнце, нырнув за горизонт, сразу начинает подниматься снова. Час был поздний. На берегу – ни души. Солнце закатилось за низкие фиолетовые облака, которые затянули небо у горизонта. По морю поплыл редкий, как крупная сеть, туман. Пригревало солнце. Вода блестела в его лучах, вспыхивала перламутром. О борта карбаса² плескались волны. К вечеру стала разыгрываться непогодь. В горле Белого моря и так не бывало спокойно: тут всегда толкутся суматошные волны. Лохматые, сердито кипящие, они кидаются на каждое проходящее судно порой с самых неожиданных сторон. А тут к вечеру стал крепчать, свирепея, полуночник³, ветер похуже севера, в этот ветер рыба идёт. Он затянул небо мглой, приволок низкие тучи с дождём. Карбас стало трепать ненастье, как бумажный корабль под проливнем. Карбас стоял на отводнице, не оторвало бы от отводницы. На тоне Красный нос опять – таки ветер-побережник⁴, гонит в невода серебристую боярышню-рыбу сёмгу. Этот ветер дикой, холодный и взводень⁵ большой роет, худой ветер, только успевай отводи все посудины в Северную губу иначе раскатает по дощечке. Ветер моряна⁶ – порато⁷ сильный, холодный, но в реке, где стоял РУЗ (рыбоучётное заграждение), он всегда приходил с рыбой. Обедник⁸ – хороший ветер, но без рыбы. Южный⁹ с гор идёт, волн почти не даёт, но а восток¹⁰ – эти хорошие ветры. Запад так и есть запад. А пока что дул полуночник, который приходит с моря Баренцева, со свирепым полуночником приходит накат, и море, неистовствуя, несётся на берега, кидается на отмели, заливая их, мутя воду, роняя на песок клочья пены. Лохматятся, свирепеют волны, ставя брёвна плавника в полосе прибоя торчком. Накат подобен очистительному летнему ливню с грозой. После него на побережье становится тихо. Море ластится к берегу, сквозь разрывы в тучах в приполярной сумеречности проблескивает весёлый солнечный луч. Обычно после этого шторма, после отлива чего только ни выкинет море: всякие баночки, бутылочки, сети, верёвки. Белое море выносит из вод бескорые, мытые-перемытые

корневища столетних сосен и лиственниц, взятые неведомо где-то, то ли в мезенских, леушонских да онежских лесах, то ли в чащобах Приуралья. А иной раз виновато выюжит волна обломки корабельных бортов, поплавки от неводов да закрученные папирусными свитками куски бересты... Вот тебе и июнь месяц, который стоял прозрачный, солнечный, но прохладный: всё время не переставая дули резкие ветра с полуночной стороны. Даже в заветерье, хоть и на солнышке, ватник не снимешь.

Начался прилив. Волны шумят значительно ближе, а в неводе опять вода, скоро она совсем накроет его, и там, где теперь песок и я, ночью будет ходить сёмга, наткаться на сеть, и идти вдоль неё в сторону моря, стараясь её обогнуть и будет попадать в горло невода и кружиться там бессильно и настойчиво, в поисках выхода, пока вода снова не спадёт и не придут рыбаки и не станут их бить и класть в ящики. Будут всюду слюдяно блестеть мелкие лужи ходившей в ней сёмгой, песок гофрированный со следами чаек, море шипит где-то далеко, и там над чем-то выются чайки, присаживаются и опять взлетают.

Солнце наконец садится. Долго и мёртво мерцает оно последней искрой, верхним своим окончанием, и эта последняя искра коричневеет и гаснет. Остаётся одно остывающее небо на том месте, гряда прозрачных облаков и широкая краснота. Остаётся космический свет над головой, остаётся белая ночь с тишиной, с безветрием, со слабым ропотом волн приближающегося моря. Утром опять солнце, опять мелеет море и уходит, обнажая песчаный берег и невод. И в неводе снова плеск и шум, солнечные брызги, и среди брызг и плеска – рыбаки в мокрых одеждах, мокрыми палками в руках. И бьют, бьют, кротят, усыпляют рыбу, стаскивают в ящики и на носилки.

Приливы – очень интересное явление. Не всякое море имеет приливы. Только те, что свободно связаны с Мировым океаном. В Чёрном или Каспийском морях их практически нет. Зато самые большие приливы в России – все в северных водах. На Охотском море, к примеру, в устье реки Пенжины приливная волна до десяти метров, в устье реки Мезень, впадающей в Белое море, высота её больше девяти метров, в устье реки Поной, также впадающей в Белое море, более четырёх метров. Приливы возникают на земле через строго определённые промежутки времени – 12 часов 25 минут. Это связано с движением Луны вокруг своей орбиты. Каждые сутки «полная вода» запаздывает на 50 минут. Современные учёные-океанологи могут рассчитать и подготовить таблицы приливов на год, десятилетия, сто лет вперёд.

Поморы, веками жившие на побережье Белого моря, тоже имели свои «таблицы приливов» – рукописные лоции и руководства мореходов. Их передавали из поколения в поколение. Старожилам Беломорья достаточно было посмотреть на Луну, отметить размеры серпа – восход или заход, или кульминацию в полнолунии, чтобы точно знать – вовремя ли отправляться в море. Поморские кочи и ладьи, рыбацкие карбаса передвигались по протокам дельты и в море исключительно с учётом попутного приливного или отливного течения.

На берегах Белого моря увидишь прилив во всём его величии и многообразии. Волна, прежде чем появится здесь, проходит долгий путь. Она рождается в пучине Северной Атлантики, примерно на широте Великобритании. Около суток бежит к берегам Беломорья. Здесь то затихает, то взмывает свой «девятый вал». Приливы очень велики. Сходящиеся берега его подобно воронке концентрирует мощь волны. Интересно наблюдать, как течение реки поворачивается вспять, вверх от моря. Волна разворачивает стоящие на рейде доры и баржи противоположному течению. Очень интересно наблюдать, когда плывущие вниз плоты леса замедляют свой и без того неспешный ход, а порой дрейфуют вверх по реке.

Пройдёт время, обратное течение затихнет, и речные воды вновь побегут к морю.

Приливы – самое яркое и незабываемое впечатление моего детства и всей моей жизни, что я жил в Поное. Ещё мальчишками мы и без часов знали, когда песчаная коса «Бабьей корги» исчезнет под водой и волны заплещутся вблизи угора. Наступит час, отмели у берега обнажатся и многочисленные ручьи потекут в сторону отступающей воды. Здесь начиналось

для нас раздолье, особенно в Лахте. Ловили руками мелкую рыбешку, искали красивые раковины, вытягивали из воды зелёную вату водорослей.

Многие устья рек Беломорья благодаря небольшим размерам подходят для реализации экологически чистых технологий соленостной энергетики. Нужно только углубить их, открыть доступ приливу и морской воде. Это к тому же помогло бы восстановить традиционный уклад жизни поморов. Когда они жили морем, ловили вблизи устьев рыбу, промыслили морского зверя. Но опять же, не повлияет ли это на ход сёмги, которая, преодолевая большие расстояния и пятиметровые пороги, стремится в реки, чтобы народить новое потомство, а самой погибнуть.

А пока Луна, рождая океанский прилив, бесполезно тянет волну из Атлантики в устья Беломорья. Энергия волны рассеивается напрасно в штурме запертых природой ворот устьев. Надо бы прислушаться к дыханию моря и взять Луну с её приливной волной в компаньоны. Тогда наверняка можно возродить берега славного моря, священного Гандвика.

Солнце, затканное охристой пеленой приближающегося шторма, не торопилось тонуть в морской пустыне. Наконец оно опустилось совсем низко. Затем, растворённое водным горизонтом, расширилось, стало неясным и исчезло. Холодные сумерки быстро сгустились, перешли в вязкую тьму. Нынче смеркалось рано. Это уже мелькнул конец сентября, будто лисовин махнул огненным хвостом, враз оголились радушные березняки. Стих листопад. Длинными стали по-сиротски печальные вечера, изба почернела от холодных дождей. Дождей давно уже не было, хоть небо и хмурилось постоянно, облака ползли низкие, рыхлые. По-прежнему тянул восточный ветер-восток, и море дышало тяжело, шумно, некрутые волны шуршали по гальке, перебирали камушки, вылизывали, обкатывали им бока. Внизу мерно и широко шумел прибой, шёл прилив, холодно. Ветер нёс особенно грустный запах осеннего моря. А само море было глубоко и таинственно черно.

От ветра поскрипывал поморский крест. По рассказам старожилов, крест был поставлен на могиле Михаила Семёновича, отца моего дяди Геннадия Михайловича Устинова. Кресты на Поное имели иное начало: может быть, тем же крутым ветрам, каким загнало сюда и нас, загнало в это становище утлые судёнышки промышленников и надолго затянул один и тот же ветер, запирая все пути к выходу не на один день мрачно-сучного гореванья. Ловцы сошли на берег и долго поджидали вожделенной поры, когда уляжется ветер или переместится в попутный. Проходит не один день сучного житья на голой луде, и не один раз по сорок рубили плешивых, (старинный поморский заговор-против ветра, считаешь сорок плешивых, каких знаешь в деревне, иногда это помогало). А между тем флюгарка на мачте по – прежнему реет в ту же враждебную сторону, по прежнему несётся страшный гул от дальнего взводня со стороны моря и по прежнему черно и сумрачно это море, до половины покрытое густой, серебристо-белой пеной. И уже замечено, что всегда после того как вкапывали крест в землю, так сразу же переставал дуть ветер.

Шеллоник¹. Юго-западный ветер. У шолоника жонка красива – на ночь стихнет. Поной Карбас². Большая поморская лодка.

Полуночник³. Северо-восточный ветер.

Побережник⁴. Северо-западный ветер.

Взводень⁵. Высокая волна.

Морояна⁶. Северный ветер.

Порато⁷. Очень. Зимой тёмно порато. Поной

Обедник⁸. Юго-восточный ветер. Обедник не будет долго дуть. Поной

Южный ветер⁹. Летний.

Восток¹⁰. Восточный ветер. Фстоки да обедники большэ дожа дают. Поной

Весна

*Но миг один – и солнцем весенним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресная земля*
А.А. Фет

Весна 1969 года была трудная, затяжная. К началу мая еле-еле набухли и посерели речные изгибы. С зимней стороны домов таяли последние суметы, а с летней на припёках кое-где проклёвывалась первая травка. Весеннее солнышко приветливо глядело с голубого неба, по которому двигались перистые белоснежные облака, и пригревало изрядно. В воздухе, полном бодрящей остроты, пахло благодаря соседству пекарни хлебом. Вода капала с крыш, блестела в колдобинках и пробивала канавки на обнажённой, испускавшей пар земле с едва пробиваемой травкой.

Всё на дворе словно трепетало жизнью. Над потеплевшими полями всходило большое солнце, пахло навозом и весенней водой. Хотя под вечер морозы были ещё крепкие, красная заря пробивалась сквозь холодную небесную мглу. Уши пощипывало, приходилось разворачивать шапку и нахлобучивать её. Низкое солнце светило в лицо, холодный ветер обжигал по-зимнему. Землю отпустит к обеду, и то не везде. Мороз выжал влагу на горушках. Уже пора бы пахать и сеять, а в природе бог весть что творится. Лужи стеклянно позванивали под ногами, студёный ветер завывал в голых кустах. Даже солнце, казалось, светило холодным светом, отдавая не уютом. Но днём по небу плыли озолоченные солнцем лёгкие белые облака, лужи на дорогах подсохли; по оврагам и ручьям бегали зайцы, потерявшие зимний наряд; по гнездовьям хлопотали птицы. Но вот наступили дни, что по ранним утрам над рекой дымил туман; с восходом солнца тающей лебяжьей стаей туман поднимался вверх, исчезал. В горах долго погасал закат, вечер стоял тихий, ясный; на озёрах шумно хлопотали гусиные стаи.

Было солнечно, и с утра начиналась теплынь. Земля, разморенная теплом, парила. Над полем, которое открылось сразу за складом (бывшей церковью) ходили голубые волны марева. В этих волнах берёзовый лес за речкой, уже загустевший от первой зелени, дрожал и горбатился. Всё вокруг дышало, свиристело, радовалось обилию тепла и солнца: на деревьях пели птицы... Из-за реки на деревню летели знойные песни (табаркание) куропаток. Казалось, во всём мире небо нежно синело над крышами; и река разлилась и ровно шумела внизу под деревней. Прошла неделя. Неожиданно переменилась погода: вдруг из-за реки нахально подул пронзительный сиверко, стремительно понёс белые потоки тяжёлых снежных хлопьев. Исчезла куда-то вся живность, пуночки, солнце потухло и скрылось, и даже шум половодья чуть притих, словно давая потачку уходящей зиме. А зима в последний раз круто распорядилась на земле. Снег летел почти не с небес, а с горизонта, хлестал откуда-то сбоку. В небе над полем шла полоса снежной крупы и хлестала в рамы свинцовой дробью. И здесь снег повалил, густой и рыхлый, как вата. По самому центру неба плавится жёлтое солнце. Над дальним порыжелым от нахлынувшего тепла гольцом зависает, дрожа запотелыми боками, оттаявшее по весне облако. На бурых ветвях деревьев гулко звенят нестойкие, уже слабые промерзши. Притаивало уже с неделю, но высокие ныне снега ещё прочно держались, и только в поречной низине, по которой ежезимне ложилась тракторная дорога на Лахту, весна означилась темными тучевыми пятнами по осевшим сугробам. В глубоких до страсти колеях открыто и радостно плескалась рыжая вода, и, как ни выхлестывали её трактором, она тотчас натекала туда до самого верху-

всклязь. Стоило только взглянуть с высокого угора на эту поречную ширь, на потемневшую дорогу по ней, чтобы убедиться: весна копит силу в низинах. Лёд на реке обмяк, почернел. И за спиной слышно было, как глухо и нетерпеливо ворочался лёд. Я подошёл ближе и не узнал реку. От Поноя поднимался туман. Местами гладь реки уже освободилась от рыхлого белого покрывала. В этих плешинах виднелась рябь-вся в солнечных бликах. Блики эти до боли слепили глаза. Над селом ложился туман. Туман выползал из-за речки и прятал всё: и улицы, и дома. Было волнующе легко, как бывает лишь весной, и было такое настроение, что хотелось свершить что-то великое, необычное...

Яростно подняла река ледяные выросты, а из-под них, неистовая, крутая хлынула наружу вода и, пенясь, голгоча, надвинулась на берег, легко ломая и круша белые торосы. В розовом утреннем свете взбунтовавшаяся река была удивительна хороша. День был весенний, теплый, тихий. И на солнечной белизне снега стали ярко проступать краски: розовые, черные, серые валуны, ломая во льду продушины, медленно обнажались над белым полем. А льдины топорщились вокруг каждого камня пластами, обломками, искристые, плавилась и лучилась в своих изломах синим, голубым, зелёным светом. И, пока шёл отлив, всё белое поле сказочными цветами усеялось. Словно живые, распускались они, цвели и играли красками. Но потом прошло время, вода дрогнула, зажила. Лёд стал подниматься. Скрылись окатыши-валуны, сравнялись продушины. И всё исчезло. Будто ничего и не было. Раньше других больших и малых рек от ледовой неволи освобождалась река Поной, холодная, она ломала неволю бурно и дерзко. Гул ледолома третий день сотрясал дома. Ещё жидкое, весеннее солнце разливалось по талой земле. Почки на деревьях разрывало бледной зеленью, на некоторых березах появились молоденькие, распускающиеся листочки, некоторые уже распрямились из трубочек, но были маленькие, бледные под солнцем, с глубокими бороздками. Новая трава не прорезалась, летошние сучья прели, обугленные снежной влагой, кругом- покой, лишь вершинками деревьев лёгкий ветер играл молодо и упруго. Весна (наконец-то!) взломала на Поное лёд. Скрежеща и дробясь, льдины влезали одна на другую, дыбились, как белые медведи и, словно обнявшись, медленно уходили под воду.

Наконец пришла долгожданная пора. Зашумели талые воды, весна быстро и шумно двигалась на север. День и ночь над Поноем кричали стаи перелётных птиц: на дикий скалистый север летели гуси, наполняя всё трубными кликами, белоснежными облачками над кремнистыми вершинами проплывали лёгкие лебяжьи стайки. Утиные косяки зашумели на тихих озёрах. Над синими силуэтами заречных хребтов, в желто-рудых просторах рассветного неба, лежали похожие на гигантских рыб, сизые облака. По краям облаков играли алые блики – предвестники солнца. От Поноя тянул зябкий утренний ветерок. Сиреневый отсвет лежал на снежных завалах, берёзы плыли в сиреновом тумане, березняк тянулся густой, чащобный- красота! Багровое солнце, словно в изморози вставлено в стекло окна, у которого лежу я. Но солнце не уходит изо дня в день держится в раме, вставленное в окно. Розовая пелена затягивала небо, как сетью. Солнце катилось где-то за домами, среди ночи не прекращая свой путь; и дома, и жиденькие деревца у дощатых мостков- всё было залито нежным цветом. К зениту розовые облака понемногу светлели, перемежаясь с бледно-голубыми оттенками неба; здесь, на переходе к почти белесой голубизне, они становились розово-серыми, чуть более холодными. Старички сидели на мостках, посматривали на подсинено-белые снега, толковали о наступившей весне, предугадывая, какой она будет. Сияло солнце, утомляло голубое небесное бездонье; глаза ещё не привыкли к такому избытку света. В эту пору, людьми овладевают смутные желанья, возникают надежды, светлей становится на душе, так хочется изведать что-то новое, совершить доброе.

Как-то холодным ещё вечером я убирал у скотины. Накидав овцам сена, вышел из стайки и залюбовался закатом. Раскалённое докрасна небо дымилось, а самый его край, который касался земли, уже подплавился, подплыл янтарной жижей. И туда, в жидкий янтарь,

медленно опускалось огромное, кроваво-красное солнце и словно само плавилось, таяло, как кусок масла на горячей сковороде. Последними лучами солнца, обливало ещё землю, багрово отсвечивало в окнах соседнего дома. Пробиваясь сквозь ползущий со стороны ночи холодный туман, оно бледно окрашивало угрюмые пахты, трепетало на заснеженных холмах. И от этого казалось, что камни шевелятся, что вся огромная гора тяжело ворочается в зыбком вечернем тумане, укладываясь на ночь. А на дворе в текучей мгле сумерек прозревают близкие белые ночи. Они ещё на подступах, но всё уже объято предчувствием удивления и перемен. Ещё недавно своим чередом склонялись дни и приходила ночь с темнотою, звездами, тяжелой сыростью на исходе и остывшими камнями у реки. И вдруг подкрались бесконечные, сквозные вечера; солнце уже давно – давно село, давно выгорел закат, но свет его неугасимо тлеет и мало-помалу с загадочным упрямством начинает прозревать, подниматься выше, выше, и в трепетных потоках его вспыхивает и так ярко горит Марс, будто его раздувают. И всё, что обращено в эту бессонную сторону, явно встревожено слепым неурочным светом, всё таит чуткую настороженность. А другая половина неба темна и непроглядна – там ночь, и потому двоится на белое и черное весь сумеречный мир: дома, деревья, заборы, даже столбы – всё с одного боку подсвечено, вроде присыпано ложным серебром, а с другого – сердитые потемки, которые тоже замышлены не для сна. День отстоял на славу – солнечный, яркий, искристо играли тугие снега, берущиеся в наст, звенькало из первых сосулук, загорчил первым подтаем воздух.

За Поноем после заката долго томилось, впитываясь внутрь, долго потом уже новым, не зимним мягким пологом лежала по белому полю нежная синева. Но ещё до темноты возшло и разгорелось звёздное небо с юным месяцем во главе и пролился на землю капельный, росистый сухой свет. За беленькими тонкими занавесками в двух окнах, глядящих на Поной, мерцал под ранним месяцем ранний вечер. Сбилось со своего сияния электричество – и опять увидели небо, запотыгивались, как всякая Божья тварка за солнышком, стали замечать, когда скобочка молодого месяца, когда полная луна.

Весна наступила. Утром – солнце и мороз с еле заметной розовой мглой над тундрой, с лёгким инеем на прошлогодней траве, со звонким хрустом тонкого льда на снеговых лужах. К обеду небо синело, темнел за рекой березняк и начали течь ручейки. Зимняя дорога ледяной, порыжевшей от навоза (с осени навоз возили в лепёшках) лентой косо пересекала вытягившие межи полей, а по сторонам на оголённых пригорках что-то клевали пуночки. По вечерам с табарканием летали куропатки, разбившись на пары. Снегу стало мало, да и он стал зернистым, без наста. На берёзах перед окнами упоенно заливались птицы. Небо почти чистое, лишь под самым горизонтом окаймлённое редкими облачками. Ещё только одиннадцать часов, а солнце парит, как в полдень, заливая светом всю округу нетерпимо ярко отражаясь в реке: там кружились и падали в воду чайки. Такой весны никто не помнил во всём Поное. Вышел на воздух и зажмурился – так неожиданно ярко и резко ударил в глаза свет. Казалось, всё солнце, стоящее как раз над горой, скатывалось с горы сюда. Снег пылал, искрился, а в лёгких тенях отливало мякотной синью.

Тепло было весеннее, с запахом. На углу крыши у дома наплавлялась сосулька, на мелких от снега, проплешистых местах распрямлялся голубичник. Свежей, первозданной зеленью покрылись поля. От кипучих побегов молодой листвы курчавились деревья. Днём тёплый, пахучий, будто настоящий на цветах воздух дрожал от гула: всё живое неистово прославляло землю, солнце, жизнь. Над тундрой за рекой вставало солнце в полкруга и тени от берез отпечатались длинными пронизанные багрянцем. И небо розовело, и тундра, и птицы, перелетающие с дерева на дерево. Певучая звонкость как бы призывала к движению и радости. Небо перемигивалось звёздами. Тишина. Истома. Не жарко и не холодно. Солнце светит одинаково ярко и в полдень и в полночь. Всё – таки солнце – это прекрасно! Не вспоминаешь о нём в кромешной тьме и мёртвом электрическом свете полярной ночи. Всё некогда. А покажется добрый, сияющий диск над заснеженными сопками – и веселее застучит сердце навстречу весенним радо-

стям. Откроешь утром глаза – не нужно тянуться к выключателю. Вместо жёлтого, опостылевшего за зиму света, комната наполнена пронзительным сиянием огромного, раздвинутого солнцем внешнего мира. Звенит прозрачный воздух под взмахами упругих утиных крыльев, по берегам речек и озёр важно разгуливают гуси, лебеди неторопливо опускаются на голубеющие воды и гордо поднимают свои головы. Всё это бывает в тундре только раз в году – весной.

Весна в тундре – время, когда птицы, звери и люди возбуждённо хлопчут, радостно поют и кричат, забывают о сне, о невзгодах, об опасностях! Все заняты охотой на птиц. Дети ловят птиц капканами, петлями, а взрослые отправляются подальше и приносят с собой жирных гусей и уток. В каждом доме тебя угощают гусятиной.

По деревне плыл черный, смоляной дым от кипящей в котлах смолы, которой смолили карбаса и доры. Некоторые доры уже были спущены на воду и ждали отплытия на тони. Небо было светло-голубое, пустое, будто стеклянное, море – огромное, выпуклое и спокойное, а метрах в двухстах от берега, как наваждение, неподвижно стояла на якоре дора. Куда хватало глаз, всё застыло-на берегу и на воде, было неподвижно, безлюдно и мертво. Вода была необычно прозрачна. Стояла на Севере весна- та пора, когда березы ещё голы, когда ночи уже тлеют, истекают светом по горизонту, когда на многие километры слышно, как однообразно напряженно играют, поют куропатки, а снег еще только сошел, всё залито полый водой, и часа в четыре солнце уже высоко и греет вовсю.

И когда у оленей появляется потомство, они тянутся из лесов в лесотундру, к берегу моря, где открытые пространства оберегают их от внезапного нападения хищников, где раньше пробивается трава и начинает зеленеть кустарник, а ветра спасают от гнуса, появляющегося вместе с теплом.

Лето- время нагула отощавших за зиму оленей, воспитания телят приводило пастухов следом за оленями на морской берег, когда в реки начинала идти сёмга, приближались к суше стада морского зверя, а позже, с появлением ягод и грибов, открывалась охота на подростную птицу. Олени находятся там до самой осени, пока не потянет с северо-востока холодным и острым ветром, когда исчезают комары и мошки, а по лесистым холмам и на ярко вспыхнувшей красным и желтым тундре высыпают в невероятном количестве грибы, олени становятся беспокойными, начинают рваться с привязей, тянутся вслед за пасущимися на воле в леса, вглубь тундры к озёрам, где в сосновых борах и на каменистых грядах достаточно ягеля и легче пережить долгую полярную зиму.

Всюду ещё лежал снег. Холодно-поблескивал лёд на реке. Казалось, ничто не предвещало близкой весны. Но слабевший ветер незаметно подул уже не с востока, а с юга. Снег обмяк, отяжелел и, тусклый, пропитанный влагой, стал покрываться бурными и глинисто-желтыми пятнами. Раздутые ноздри жадно втягивали свежий воздух и почудилось, что внизу, где-то глубоко под речным льдом, ворочается, набирая силы, что-то живое, крепкое, молодое. После пасмурных дней последней весны в Поное 1975 года в небе устоялась тёплая голубизна, синие тени легли на подтаявшие снега, в ослепительных полях лоскутками обозначились проталины. Холодный дымом стелющийся моросняк ушёл наконец-то за далеко маячившие на западе холмы, сладко повеяло теплом, земля просохла, проклюнулись язычки травинки на согреве и навалилась страда. Малиновая заря, озаряя темный восточный горизонт, явственно разливалась в небе. У завалинок возле изб в полдень курился парок, и запах весны, резкий, ещё не перебродивший, настаивался в молодом воздухе. Под ногами хрустела прошлогодняя трава, кое-где в тенистых местах от земли ещё тянуло холодом. Однако в воздухе было по – весеннему знойно, березовая мелкота, наступающая на пашню, метала первые листья, пахло землёй. Дышалось легко, потому что была весна. От домов снег уже сполз, в улице он перемешался с грязью, но по ночам всё это сковывало морозцем. И под угором снег истощился – синевой обозначился изгиб Поноя. Земля дышала, млела под солнцем, как приласканное мате-

ринской рукой дитя. Пахло оттаявшим навозом. С крыш давно согнало снег, дома почернели, притихли, будто нежилые: редко у кого горел свет, дни стали длиннее, а ночи короче.

Чистая голубизна неба, местами запятнанного прозрачно-белыми мазками легких облаков, яркое солнце, весело клонящееся к закату – всё это навевало предчувствие близкой весны. На земле ещё лежал снег, но у людей на душе было тепло и отрадно. Первый взвоз уже начал просыхать, поля освободились от снега, он хоронился кое-где по низинам. И ребяташки, сделав своеобразный крюк из проволоки, катали обруч по высохшему первому взвозу и мосткам. Оглушительная луна сияла в пустом небе. Земля спала в мёртвом свете. Поверх головы светились большие окна, за которыми полыхала молодым светом ранняя весна. Она полыхала над огромной землёй, летевшей вместе с весенним солнцем к далёкому созвездию Лиры. В бороздах за щетиной стерни поблескивали лужи, земля отогревалась, млела под внешним солнцем; воздух был острый, бередливый, как прохладный морс. Заметно приблизившись к верхушкам деревьев солнце не жарко и красновато просвечивало сквозь эту кисею, уже не ослепляя глаза, а заставляя лишь чуточку прищуриваться, и с ласковой, сонной нежностью касалось лучами прижмуренных век, словно бы трогало их невесомой и теплой материнской рукой. Река открылась темной, холодной водой от деревни до моря. Лды отодвинулись в море и стояли там по всему горизонту призрачной, дрожащей в мареве стеной. От них приходили стылые ветры, они и сами в каждый прилив придвигались к реке, сильное покое течение Поноя останавливало их, крошило, перемальвало. Горизонт всё дальше уходил вглубь моря, растворялся в его беспредельности. С сопков стекали ручьи, размывая последний снег, по берегам таяли грязные, позабытые ледоходом льдины. На угорах тонким зеленым ситчиком пробилась первая травка. Я шёл к дизельной, что стояла на шолонниках по мягкому, насыщенному влагой снегу-он легко вминался под ногами, но где-то в глубине, спрессовываясь, держал крепко, почти как наст. Подобрался к березам, что росли возле школы, тронул жёсткую, робко оживавшую листву. Невидимым облаком поднялись от земли терпкие скипидарные запахи, утопили меня в себе, отделили от белого мира зимы.

На просохшей горбинке сел. Зеленоватый мох был теплым, скупое зацветал белесыми крапинками. А вверху, в неощутимом сквознячке, тоненько посвистывали чёрные берёзовые ветки, отягощенные вздутыми пузырьками почек, оттуда, словно после проливного дождя, падали редкие холодные капли.

Возвращение из армии

*Край родной долготерпения,
Край ты русского народа!
Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной*

Ф. Тютчев.

У иных людей одна пора жизни переходит в другую легко и плавно, как бутон в цветок, свободно распускающий все свои лепесточки, и жизнь ни на минуту не перестает ощущаться единым целым: в прошлом – её корни, в настоящем – цветение. Но бывает и так: что осталось в прошлом – мертвеет, отодвигается в глубокую даль и смотрит на тебя оттуда, точно из другого века, и кажется, что жил по ту сторону переломного дня не ты, а кто-то другой, только внешне похожий на тебя. Так было и со мной.

Но какие бы думы ни одолевали меня, сегодня всё равно с самого утра был, мой праздник-возвращение из армии. Так бывало в детстве, когда ещё в ночи просыпался с бьющимся от непонятной радости сердцем, чувствуя свежий запах намытых полов, подошедшего сдобного теста и первый, многообещающий грохот заслонки об устье шестка. Не стану слагать гимн печке – её достоинства общеизвестны: согревает избу, сушит обувь и одежду, лечит, а главное- кормит. Городскому человеку (и то поперву) печь может показаться громоздкой, но никто из деревенских этого не замечает, сызмальства убедившись в целесообразности именно такой печки, внушительно-надёжной, вместительной, круглосуточно удерживающей тепло. Вот уже мать щиплет лучину, вот уже первый отсвет огня затрепал на стене и потянуло теплом, и весь мир, ещё дремотный, полусонный, такой странный во тьме, сразу кажется надёжным и добрым, потому что в нём уже пробудились отец и мать, они обогревают его и доглядывают за ним. Угарно и сладко пахло от истлевающих в самоваре углей, косо и лениво висела над столом солнечная пыль, едва шевелящаяся, густая. В другое окно виден был левый рукав Поноя, его искрящееся жаркое на солнце течение и берег на той стороне, разубранный по луговине березой и смородиной, уже запылавшей от цвета.

В открытую уличную дверь несло от нагретых и мытых до белоснежной белизны деревянных мостков сухостью и гнилью. Каждую субботу мама шоркала мостки и сени с песком и вехтем, по которым потом ступать была одна благодать. Вспомнил в подробностях канувшее детство, и оказывается, ни капли горечи в нём, и есть лишь удивление и радость, ибо большей воли и большего счастья не суждено изведать человеку, чем в те начальные годы, когда обида крепилась в памяти не дольше утренней росы.

В конце мая дни бывают жаркие, а вечера свежи и приятны. Земля, накалённая солнцем, остывает не сразу, медленно. Пока не остынет земля, не охладятся бревенчатые стены, в избах стоит мучительная духота. Воздух в избе густ и горяч. Дышалось тяжело. С удовольствием вспомнил о чердаке: там, на кровати, всегда спал затяжным и сладким, как в детстве, сном. До утра я проспал на чердаке. Когда открыл глаза, то первое, что увидел – тоненький пучок света. Он пробивался сквозь дыру в крыше и перечеркивал наискось, снизу вверх, темное пространство чердака. В этом лучике густо плясали пылинки.

« Утро уже», – понял я. Я не раз видел этот лучик и знал, что утром он перечеркивал чердак снизу вверх, в полдень тянулся прямо от одного края дощатой крыши до другого, а к вечеру полз вниз. Было душно, пахло пылью и сухими березовыми вениками, которые связками висели под самой крышей. Утро занималось розовое, нежное, солнце выкрасило крыши деревни неземными красками, испятнало стены, двери, белую печку – пестро и весело. Часов семь, наверное, было.

Сперва красная заря над логом, потом красный шар оторвётся, поплывёт, проследив по реке красную дорожку, выше, выше- вот уже ослепительно- белое, смотреть невозможно, и такое же ослепительно- белое в реке-два солнца глядят друг на друга. Ветер колышет прозрачную штору и вносит на чердак волну пряного аромата. Малиновой шалью повисла на кустах заря. В траве, где с вечера чирикали птицы, алмазами блеснули и зажглись капли небесной влаги. Тряхнул гагачьим пухом зрелый одуванчик, зарозовел иван-чай. В лиловом тумане утра золотой иглой скользнул первый луч восходящего солнца. Вот уже загудел трудолюбивый шмель, целуя умытые лепестки цветов, и весёлым колокольчиком взвился в небо.

Я таращусь в майское утро, уходящие неверные сумерки белой северной ночи, стараясь разглядеть что там ещё за окном. Я знаю- это ветви березы унизаны листьями. В окнах светлело, они были мертвенно-серые, как чахоточные. Вздрыгнул от знакомого скрипа калитки. Этот скрип я помнил с тех пор, как помнил себя, и сразу догадался: отец. Мне всегда было приятно просыпаться вот так же рано от этого скрипа и знать, что это кто-то из домашних, что ты окружен надёжным теплом родительского крова. Что это для тебя тут поднимаются до восхода, управляют со скотиной, топят печи, метут полы, что так было в его доме и до его

рождения его отца, что мир этот прочен, устойчив, как берег Поноя, и тогда я снова погружался в сладостную дрему, чтобы встать к горячей картошке, к ладке жареной кумжи.

Окончательно проснувшись, я надел отцовские упорки (отрезанные от голенищ валенки или сапоги) и в полумраке сеней, уже не сдерживаясь, как кошка, ловко слетел с чердака по почти отвесной лестнице, по пути отстраняясь от лёгких, пахучих вениковых туш.

Плотно позавтракав, я решил сходить на рыбалку, по которой за два года службы очень соскучился. Прошёлся берегом до Богатой корги и, наловив изрядно хариусов, уже возвращался домой, мечтая, что скоро идти в клуб, где можно увидеть друзей. Быстро наступил вечер.

В клубе было не пусто. Ребята стояли в коридоре и курили. Девчата сидели на первом ряду, шушукались. Меня встретили радостно:

– Здорово, солдат!

. Девки затихли и глядели на меня с любопытством. Я со всеми поздоровался, закурил, спросил у киномеханика Андрея

:– Какой фильм?

– «Стряпуха».

– Будешь крутить?

– Народ придёт на три рубля, буду. А так, пошли они... – выругался он.

– Ты, Никола, нам голову не задуряй. Кино.. ты за бутылкой беги, пока Шмара-продавщица не закрылась. С дембеля обязан поставить.

Порядок был вечный. Я достал деньги, на которые тут же купили две бутылки вина. Выпили, закурили, стали солдатство свое вспоминать: кто где служил, да какие случаи бывали.

Между тем в клубе людей не прибавлялось. Сиротливо стоял, невеликий в десять рядов, табунок стульев. Пустовал и голый бильярдный стол с шарами. Девчата грызли семечки. Время от времени кто-либо из парней подходил к ним за семечками. Начиналась шутливая перебранка, возня.

Серое полотнище экрана шевелилось, морщинилось, видно, поддувало откуда-то.

– Андрей, поставь музыку, – попросили девчата.

Киномеханик поглядел на часы, объявил:

– Кончилась музыка! Народу нет, крутить не буду.

– Андрей, покрути, – жалобно запросили девчата. – Хорошее кино про любовь покрути..

– Любовь крутить вы сами умеете.. Тут все учёные..

– Уж какой день не показываешь..

– Народу нет. Давай три рубля, – буду крутить, – решительно заявил киномеханик.

– Ага! Не круто?

– Давай. Хоть для одной буду крутить. Вот то-то, – победно закончил он.

Под эту перебранку и выбрались из клуба. Деревня уже опустилась в глухую тьму ночи.

В 2005 году мне посчастливилось побывать в моём родном доме. Остался наш дом на краю деревни, как на ладони. И мне представляется, что как-то неуютно ему без близкого соседства других изб, расположенных когда-то так тесно. Остался дом рядом Куроптева Николая Савватеевича. Долго ли ещё простоят наш дом? Не знаю, но без него я бы утратил что-то самое важное, опорное в жизни....

1972 год

Гроза

*А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,*

*И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса
А.А. Фет*

На рассвете в деревню пришла гроза. Хотя ночью ничто грозы не предвещало, но к утру она прошла над деревней, разродилась коротким обложным ливнем, изрубила молниями тучи и унялась где-то за Бревенными сопками. Утренний свет погас. Тяжко ударили в пыль первые капли. Гром проломил небо и с воем обрушился на деревню. Он оглушительно захохотал и покатился далеко за Поной. Река вспыхнула, и в ней отразились горы и березняк. На чердаке под крышей зашептались испуганно воробьи. И через реку белой матовой чашей двинулся ливень. По воде пошёл шелест, она закипела и уперлась в берега. Над рекой свистнула и зашипела, стгорая на лету, короткая синяя молния. В другой стороне, за деревней, охнула и оступилась другая прямая полоса бьющегося огня и щёлкнула над самой землёй и разлетелась в разные стороны. На крыше домов легла стремительная густая толща воды. Гром ходил по деревне, как по половицам, прихрамывал и трещал каким-то тяжким костылём. При свете грозы далеко видно стало во дворах всех ещё третьего дня настиранное, развешанное бельё. Оно металось на верёвках и грядках, рубашки взмахивали пустыми рукавами, словно кидались бежать. Тучу свалило, и она шла стороной на Лог, Русингу. Тучу крутило, изнутри её вмешивало и душило. Молнии били чётко, и гром катился нервно и крупно и рассыпался, будто проламывал половицы. Потом туча разом вся распахнулась, в воздухе вокруг потемнело, и по деревне прошёл гул. На мгновение туча замешкалась, словно размышляя, куда свалиться, не поворотить ли назад. Потом она осела и пошла прежней дорогой. Она шла низко, грохотала, дымилась и как бы вытаптывала землю. Здесь я подумал, что есть что-то мстительное в её грохоте.

Белая лента молнии, раздвоившись вилкой у тучи, резанула зигзагом мутный свод неба. Вслед за молнией, ещё раз глухо ворчнув, ударил гром с раскатом, словно на небе протарахтели по булыжнику железные бочки. Сизо-черная туча, клубясь и пенясь, дулась, ширилась, захватывая полнеба, до огненно-белого солнца. Гулко ухнул вдалеке второй раз гром, будто кто ударил обухом топора в дно опрокинутой бочки. Вслед за ударом грозы прямо над головою отполированным лезвием кривой шашки сверху вниз и наискосок в землю резанула молния, и брюхо нависшей тучи лопнула за Поноем. Космы тучи; будто растрёпанные чёрные волосы, тащились за рекою. Дождинушка полил как из ведра, пригибая ветви берёз и прибывая траву обочь дороги. Дождь лил, шуршал – ровный, плотный, холодной мглой, туманом наполнил пространство от облаков до земли, медленно, неумолимо истязал людей за какие-то их грехи. Тяжёлые тучи продолжали грузно выползать из-за гор и тёмным пологом стелились над Поноем. Порывистый ветер прижимал траву. Тьма сгустилась ещё больше, и сразу стало прохладней. По берегу пронёсся вихрь. Ослепительно яркая молния разорвала темноту, и от раската грома загудела земля. Дождь широкой, шумной полосой приближался со стороны моря. Достигнув реки, дождь старательно начал решетить её поверхность. По воде пошли пузыри, лопаясь и появляясь опять. И тут неожиданно накатила буря. Свет заслонили тучи, стемнело ещё сильнее. Холодный ветер ломал на деревьях ветки и крутился, вздымал их к небу. Дождинушка ударил ещё сильнее, крупный, с градом. Ветер навалился на дома, ронял заборы, поднимал крыши, срывал от причалов доры и карбаса и уносил их в открытое море. Молнии слепили глаза. Понойчане в страхе попрятались по домам.

Три дня над Поноем бушевал порывистый ветер с дождём. На речном просторе вспучивались белопенные волны, шарахались на берег, с шумом захлёстывая камни. Ветер вдруг обманчиво сникал. Берёзки в эти короткие передышки целомудренно опраправляли потрёпанные сарафаны. Их смиренный ропот заглушался перехлёстом волн, что отчаянно бились о камни. А ночью всё стихло так же, как и пришло, – сразу. Дождь шебаршил тихо по крышам, вкрадчиво скребся в стену. Гроза удалялась, только голубые молнии ещё долго плескались за окном. А

дождь всё сыпал и сыпал, словно навёрстывая упущенное за лето. Капли воды стекали, Висли на листьях, с нудным звоном тюкали лужу у крыльца, нагоняя тоску, которая, казалась, просачивалась в каждую щель.

Утром, когда уплыли задумчивые облака и грустные травы легли к ногам, когда вошло солнце, земля засверкала, занялась зелёным огнём, открылись далёкие взгорья, изволоки и зелёная земная зыбь, заливной луг первого взвоза. Утро после ночной грозы оживало, неторопливо, исподволь. Бури будто и не бывало.

Какая-то птичка робко заявила о своём пробуждении. Деревья примолкли. Солнце то проглядывало, то пряталось в низких и рваных тучах, и тогда шёл мелкий дождь.

Разная бывает тишина – тревожная, грозная, задумчивая, ледяная- это была теплая и нежная тишина ожидания, как перехваченное на миг дыхание перед чудом, которое обязательно произойдёт.

И оно произошло. Тоненький посвист с мелодичными перебивками поплыл в воздухе, подала чистый, похожий на звон серебра, голос пеночка веничка, и вдруг ударил, рассыпался высоким звоном со всевозможными коленцами жаворонок полярный.

В половине пятого, когда солнце позолотило тюль на окнах, я встал: пора было собираться ехать в Лахту на ремонт линии, в то время я работал связистом. Время было раннее, густая испарина подымалась от смоченной дождём земли, от трав и деревьев. Туман устремлялся навстречу поднявшемуся солнцу, ещё слабо пропуская его лучи, но по всему было видно, что день может выстояться погожий, -редкий случай в это дождливое лето. Разутрилось. Небо выступило уверенно, обозначило облака, лёгкие, крутобокие, они тоже будто очнулись и пошли, а над горой понемногу занималась заря. Это уже была не та широкая, щедрая заря, что одаривает летнее утро, эта была поскромней и с какой-то прохладцей, жалась в прищуре горизонта.

В Лахту мы выехали на доре, пока была полная вода.

В народе говорят: не всякий гром бьет, а бьет да не по нам. В тот день гром ударил по нам. Ещё только-только мы въехали на доре в Лахту, как заметили небольшую толпу народа, навстречу нам вышел начальник фактории.

– Андриана Степановича убило, – сказал он и больше ничего не смог пояснить. Уже проходя сквозь толпу, я слышал обрывки негромких разговоров, из которых понял, что Степановича убило молнией.

Собираясь на линию, он шёл к карбасу, опутавшись через плечо мотком провода, в неё и ударила молния.

К вечеру нанесло снова жаркую грозу: удары грома следовали часто, один за другим, а в промежутках между ними весь душный и нагретый воздух и стекал белым искорьем и трещал по сухим стенам дома, будто отдирали старые залубеневшие обои.

После грозы с моря потянуло мокрым холодом. Но воздух был свеж и припахивал морскими водорослями. И снова утро было влажное и тёплое. Солнце томилось в вязком тумане, однако грело пристально, обещая жаркий день и дождь к вечеру.

Детство

Гуляла весна девчонкой с голубыми мечтами. Тундра подернулась дымкой. Снег, умирая, подарил жизнь травам, цветам, листве. Вечерело. По пологому склону горы солнце катилось в море, на ночлег. Косые его лучи в переливах речной воды вспыхивали, как янтари. Сбежавшие к реке олени дожевали остатки зари, лениво поднимались на берег и ложились беззаботно под кустики рогов..

Детство... Как всё таки свежи в памяти его следы! Кудрявая ива, ползучие берёзки... речка,..

Я вновь на берегу этой замечательной реки. Повороты всех тропинок помню наизусть. Здесь я рос, ходил на рыбалку и охоту.

Так вот же она всё та же гора, по которой я с пойманной впервые куропаткой мчался на лыжах сломя голову, повесив свой первый трофей на пояс, чтобы видели все, какой я промышленник. К дому я шёл, хмелея от счастья, и ноги не чувляли земли. Нет, я не шёл, а летел. И даль становилась как будто светлее. Сияло солнце. Раздвинув широко золотые ресницы, оно глядело на меня с любопытством.

На память пришёл родной дом, где прошло моё детство. Дом был большой, как казалось мне тогда. Он сухо потрескивал от мороза, а коли позёмка мела – снег шуршал о стекло, словно кто-то силился заглянуть в окна; и что-то глухо хлопало по крыше, то ли доска карниза, то ли железный лист возле трубы. Тонкие стрелочки льда протягивались по мокрому стеклу, с жилой стороны-в избе выстывало.

Старшие сестрёнки ушли в сельский клуб на танцы: была суббота и сегодня завели старенький клубный движок, который прерывисто пухал, издавая электроэнергию. Младшие братья спали сладким сном.

Мама в то время находилась в районной больнице, а отец в стаде. Я сидел за столом, читая книгу при керосиновой лампе, огонь которой испуганно вздрагивал, когда о стену дома разбивался порыв ветра, я сидел, накинув на плечи зимнее пальто, и совал голые руки под мышки, ежился, напряженно прислушивался ко всем звукам, долетавшим снаружи. Мне внушала опасение лампа. Я то и дело взбалтывал её, слыша жидкий плеск внутри: керосин кончался, а идти в сени, добавлять керосину было страшновато. Хоть бы сёстры пришли скорей! Я вытягивал шею, напряженно всматривался в тёмное окно.

То мне чудился знакомый свист, которым лихо владел мой друг Паша Шевелюхин, то скрип лыжных палок по снегу, то глухое притопывание на крыльце. Но это только чудилось. Охалка поленьев лежала наготове возле печки, но я не затоплял её, медлил: а то выстынет в избе до сестриного прихода. Пар от дыхания ударялся в лампу, язычок пламени трепетал. Старые часы тикали громко и скрипуче, а стрелка словно заржавела – она едва-едва ползла по циферблату. Казалось, всё отступило куда-то: и соседские дома, и всё живое, и стоит дом наш посредине равнины, а вокруг ни души.

Чувство одиночества нарастало. Мной овладевало отчаяние; я уже не верил, что сёстры придут, уже злился, уже готов был плакать и вглядывался в стрелки часов- читать не хотелось; тщетно вслушивался в долетающие звуки- ничего, кроме шуршания снега по стене и глухого хлопанья по крыше. И вдруг – о чудо! Я явственно услышал сестрин смех. Сёстры идут. И лампа начинала светить ярче. Быстро наломал лучин для растопки печки. Лучины весело затрещали, потянуло смоляным дымком.

Я сбрасываю с плеч пальто, мне уже не холодно, и дом кажется обжитым, уютным, светлым. Растопка из лучин догорает, постреливая алыми угольками-это к гостям! Примета такая. Занялись поленья. Я начинаю лихорадочно вытаскивать задвижку в трубе, щипать дальше лучину от соснового полена, специально лежащего на печи для этой цели. И растапливаю печку. Пламя весело шумит и рвётся вверх, в трубу. Тяга такая, что поленья хоть привязывай, не дай бог, через трубу вылетят целиком.

Они входят. Красный отблеск пламени из печи радостно играет на белом боку большой печи. Не слышно тягостного стука маятника старых часов, не слышно зловещего хлопанья на крыше- весело и хорошо. Сейчас сёстры сядут у печки, они будут разговаривать, делиться впечатлениями о проведённом вечере в клубе, а я спокойно продолжу читать. А потом мы все вместе сходим в стайку, где должна окатиться одна из овец, дадим овцам пахучего сена на ночь. Попьём горячего чая, а потом ляжем вместе на одной кровати, под одним одеялом, и будем спать, грея друг другу спины...

Дровосечка

*Пришла, – и тает всё вокруг,
Всё жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимнихвьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.*

А.А. Фет

Земля лежала ещё под снегом, деревья стояли голые. Высокое небо было ясным и холодным. К западу тянулись холмы, пестревшие весенними проталинами. По утрам ещё курился морозный пар над Поноем, льдисто сверкал на полях крепкий наст и ребятишки бегали в школу не дорогой, а напрямиком, но уже чувствовалось приближение весны.

Зима неторопливо скатывалась под весну: снег скипелся сахарно, стеклянным настоем обложило сугробы, и, хотя зеркальный, слепящий глаза покров пока не держал на себе чело- века, но уже ладно отполировал забои. Земля потекла, из её натужившегося чрева потекли первые соки, и неясные сиреневые пролысины обманчиво упали на встопорщенные ивняки. Весной запахло, весной, хотя морозы в полной силе и добрый хозяин, жалея дров, дважды в день калит печи. Но в предутренние смиренные часы особенно сладко отзывается душа на рас- творенную природу, когда в атласном небе трепетно прогибаются к земле зазеленевшие звёзды, готовые прорасти в снегах, а воздух хмельно дзинькает, как поддулявшая чернозобая синица. Весеннее, но ещё холодное солнце заливало прозрачной позолотой запушенные снегом улицы Поноя. Начала горбиться и чернеть дорога от фермы до полей: по ней возили навоз. Зори раз- горались всё ярче, солнышко как бы набухало день ото дня, вставало огромное, багрово-крас- ное, выманивало из-за реки на береги куропаток. Далеко открылась речная даль, скативша- яся к морю.

Обычно в эти мартовские дни собирались дровосечки. Приходили друг к другу односельчане и просили помочь в заготовке дров, в основном это были пожилые, одинокие женщины. Вечер выдался светлый, безветренный. С чистого, безоблачного неба глядел месяц, окрашивая избы понойчан в молочный цвет, когда пришла Августа Ивановна просить нас мужиков на дровосечку. Отказываться было нельзя, потому что и тебе пришлось просить бы людей в помощи, хотя и было мне в то время всего четырнадцать лет, но в Поморье это уже считалось, что ты мужик.

Небо на востоке почти прозрело, стало подниматься, а понизу, с широким захватом, занялось всё нежно-розовым, ещё не выспевшим светом, зато лёгкие, развеванные за ночь и воз- несённые в голубеющую высь облака жарко полыхнули в пронзительно молодых лучах солнца, ударившего по ним из-за горизонта. Мы уже отъезжали на тракторе. Верёвки для вязания бун- тов (дрова складывали в кучу, перевязывали их верёвкой и спускали с горы, бунт катился до самой реки) и топоры всё было приготовлено с вечера. И когда поднялись на очередную вараку (место, где рубят дрова), иногда дрова – мелкий белобокий березняк – были ещё с начала зимы нарублены и стояли костром, то увидели, что и само солнце уже легло на Бревенный, шафранно- красное, как обрубок железа, раскаленный в горне и только-только брошенный на наковальню.

Весна задерживалась, по ночам сковывало наст, утренники стояли звонкие, ядреные, но вот где-то накопилось избыточное тепло и широко хлынуло по земле, отгоняя ещё дальше на Север зиму. До этого три дня подряд над деревней тянулись нескончаемой холстиной низкие тучи, цепляясь свисающими обрывками за реку, пробуждая её встряской. Непрерывающаяся изморозь настойчиво съедала снега; как всегда, раньше всех обнажился шошинский угор возле школы, и в полях появились проплешины. Потом вернулось солнце, напористое, обновленно –

ясное, оно тоже принялось за работу, что подстёгивало нас спешить с дровосечкой. Река Поной должна была вот-вот сорваться, в ней копилась полая вода, бегущая из ручьев, но пока она шла поверху, наледью. День наполнялся светом и теплом. За рекой в кустарниках табаркали куропатки.

Уже не так драло наледью полозья тракторных саней, а кой- где в затишках зарождались первыми капельками совсем ослабевшими за ночь ручейки. Солнце ударило прямо в глаза, заставив зажмуриться, и всё вокруг сразу пришло в движение – пока слабое, осторожное, но разгонистое. День обещал быть богатым и звонким, небо стояло открытое, чистое, воздух от солнца подмяк, ледок по дороге начал запотевать. В березняке, где нам предстояло рубить дрова, лежал ещё снег, но он повсюду проседал, источаясь, из него торчала, как выросла за эти дни, прошлогодняя трава, виднелись проталины. Деревья за речкой, ещё не пробудившись окончательно, уж распрямились, отогревались, протяжно пошевеливались от собственных токов. Горчило: воздух за ночь не успел поднять в вышину вчерашнего натая. Солнечные лучи стелились как бы вдоль земли, не доставая до неё, но наклонялись всё ниже и ниже.

Нарубив три больших бунта берёз и скатив их с горы, мы, шестеро мужиков, начали загружать тракторные сани. Солнце поднималось всё выше, припекая, и по дороге уже засочилось, засверкало, собрались первые, короткие течи. Снег по сторонам, посинев, набухал и тяжелел, тяжелел и воздух, постепенно пропитывался сыростью.

Последний купеческий дом

День полностью разгорелся, потекли ручьи, пока ещё безголосые и натужные; над полями с подгорной стороны заструился, волнуясь, воздух, молодой березняк за ним выбелило солнцем в одну клубящуюся полосу, колюче, занозисто каркала в полёте ворона; путался, не направляясь, слабый земляной ветерок. День стоял светлый, но неяркий и тихий – какой-то сонный. И это при солнце на небе, солнце, казалось, источилось, догорая, его слабый свет повисал в воздухе, не доставая до земли, когда мы выехали уже обратно.

Зимняя река Поной совсем прохудилась, лёд болезненно посинел, у берегов, да и не только у берегов, разлились полыньи. Дорога через Поной, оттаявшая по сторонам, почернела и выточилась, по ней с недовольным карканьем ходили вороны. Солнце стояло ещё высоко, когда мы приехали домой и, разгрузив сани, сидели на крыльце в предвкушении званого ужина. Где должны быть и кулебяка с оставшейся с зимы сёмги, и грибки и всякое разносолёе и, конечно, незаменимая брага, которая была в каждом доме, нет не для пьянства, а для души, то с устали, то с баньки или угостить зашедшего соседа.

После трескучих морозов и затяжных буранов несказанно хороши бывают мартовские оттепели. Люди знают, что ещё не весна, что будут ещё не раз стоять над землёй неподвижные холодные туманы и бесноваться непроглядные вьюги. И может быть, потому-то так дороги эти тёплые редкие дни. В полдень начинаются капли. Не часто и как будто нехотя скатываются с крыши первые капли и падают в сугробы нанесённого буранами снега. Они летят до земли медленно, продолговатые, синевато-прозрачные. Вечерами под крышами повисают сосульки. Горящий закат окрашивает их в оранжево – золотистый цвет, и тогда искрятся карнизы домов, отделанные причудливой хрустальной бахромой.

1967 год

Есть ли власть у сельской власти, или так ли важно иметь сельское поселение?

Местная власть-самая близкая к народу. И значит, самая важная, ведь от неё зависит решение насущных проблем людей, а значит, и их благополучие. Полномочий у органов местного самоуправления много, но по причине скудости бюджета решать волнующие людей вопросы удаётся не всегда. И идея правительства Мурманской области об укрупнении сельских муниципальных образований вызвала неоднозначную реакцию со стороны как руководителей сельских поселений, так и общественности.

Вопрос этот непростой. По мнению многих, в дотационном поселении муниципальная система управления оказалась полностью неэффективной. Из-за отсутствия средств и грамотных специалистов местные власти не могут решить даже простейших проблем, не говоря уж о ремонтах дорог и реформах ЖКХ. Вполне уместным считаю назвать некоторые из проблем.

Взять берега реки Вирмы. Да, живописными эти берега назвать было бы не очень правильно, из-за нашего же бескультурья. Но правый берег Вирмы в районе школьного моста был довольно приличен до того, как решили почистить русло реки. В результате теперь перед глазами – огромные камни (откуда только взялись!), загородившие проход людям и место катания детишек зимой. А дамба, построенная в сторону «семёрки», которая впоследствии была вывезена? Кем это сделано, остаётся только догадываться, но явно не простым работягой.

А авиаперевозки? Не думаю, что мэр Москвы или его приближенные отправляли самолёты из аэропорта Внуково или Домодедово. Это прямая задача авиаперевозчика, который несёт ответственность за пассажиров и грузы. Что это, нечем заняться нашим чиновникам?

Прошёл слух, что за капремонт будет увеличена плата пока до шести рублей за кв. метр. Проглотим и эту пилюлю, как бы она ни была горька? Два года назад отдыхали в Краснодарском крае и я рассказал о том, как мы платим за отопление и летом, которое отключают уже в мае. Люди, которые были со многих уголков нашей необъятной Родины, были удивлены, не поверив, что платим за воздух.

Теперь о том, что надо регистрировать домики, находящиеся на озере. Я согласен, всё правильно, но извините, не такую же цену баснословную, под сто тысяч! Недавно по телевизору смотрел передачу, где фермер под Москвой взял в аренду 400 тысяч га, заплатив за межевание 70 тысяч, что вполне реально. А у нас 35 кв.метров стоят столько же. Это просто аксиома. Парадокс, приближённый к абсурду. Считаю, что и с этим негативом тоже должна бороться администрация.

Выскажу мнение многих людей о ликвидации поселения. Оптимизация системы местного сельского управления в 2014-2015 годах показала, что ряд территорий не могут самостоятельно работать как с доходами, так и с расходами. 95% поселения живёт лишь за счёт дотаций из вышестоящих бюджетов. У них нет ни возможности самим зарабатывать, ни стимула: зачем, если всё равно получают дотацию?

Всем известно, что деньги из области сельские поселения получают через районы. У области нет возможности работать с каждым поселением напрямую. Особенно если учесть, что уровень местных специалистов по финансам недостаточно высок. По- моему, срок деятельности достаточно велик, чтобы делать выводы о несостоятельности и иждивенчестве «отстающего» поселения. Им был дан шанс проявить себя.

Налог и дотации-особо животрепещущая тема для маленьких территорий. Налог на имущество и на землю – главный источник дохода. Налог на имущество физических лиц-тоже, казалось бы стабильный источник. Следующий по значимости-налог на доходы физических лиц. Хотя немудрено, что большинство глав не слишком жалуют районную «надстройку». По мнению общественности, если уж что и следует упразднить, так это именно её. Система управления района к настоящему времени утратила свою роль связующего звена между областью и деревней. Именно от грамотности и наличия местного управления зависит развитие села, а вовсе не от укрупнения. Я не думаю, что если самоуправление уйдёт – деревня рухнет.

В советское время «деревенская власть» была самая близкая к народу. По любому вопросу люди привыкли обращаться не в район, а в сельсовет. А на сегодня надо ехать к специалистам или в Мончегорск или Оленегорск, где оформляют и все необходимые справки. А это опять же транспортные расходы. Можно будет сэкономить деньги «на хозяйство» путём сокращения руководящих и прочих должностей в поселениях. Надеюсь, да и не я один, деньги сберегутся и урон селу в целом будет не нанесён. Конечно, как говорят и сами власти, всё определит народное мнение. И высказать его можно будет на референдуме.

Президент России высказал следующую мысль: когда руководитель-хозяйственник идёт во власть, он приносит в неё новые идеи, новые подходы к решению наболевших проблем, и положительный результат его работы сразу виден по качеству жизни людей. Обратный результат получается, когда руководитель прячется за спиной своих ставленников, продвигая их во власть. Отсюда неумелое руководство, утечка финансов, коррупция, а в итоге страдают простые люди. Воровать стало лучше, воровать стало веселей. А ведь коррупция рождает у людей бесправие и бессилие. Люди сникли от того, что ничего не меняется в лучшую сторону.

А чиновник, наоборот, бодрый, загорелый в любое время года, полон личных планов. И чем дальше занимает своё тёплое кресло, тем безнаказаннее себя ощущает.

Мы также за отмену необоснованных привилегий для работников государственных аппаратов, которые сидят и дрожат, как бы их не выгнали, да пенсию хорошую хотят заработать.

Известно, что доходная часть доходного бюджета около 60 млн. рублей. Из них львиная доля приходится на содержание аппарата. Не удивлюсь, если зарплата главы сельской администрации соизмерима с зарплатой федерального министра. Благодаря федеральному закону №131 « О местах самоуправления» в районном центре сложилась парадоксальная ситуация. Бок о бок работают две административные структуры, два совета депутатов. «Двоевластие» ничего, кроме увеличения численности и расходов на содержание чиновничьей братии, дополнительных бюрократических препонов и неразберихи в управлении не принесло. Происходит дублирование полномочий, люди, наверное, заметили, что один и тот же приказ исполняется двумя администрациями.

На ключевые посты в администрациях («ближний круг»), со слов людей и моих собеседников, назначаются исключительно «свои» выдвиженцы. И их главный критерий подбора кадров – личная преданность, а не профессионализм.

Муниципальное образование сельского поселения его глава превратил чуть ли не в семейную кормушку. Я это к чему? Который год северный национальный колледж просит в аренду гараж на территории ЖКХ, некоторые из них заняты частниками, неужели частник платёжеспособен, а колледж – нет?

На территории района, на природных сёмужьих реках Поное, Йоканьге, Варзино, Харловке и других обосновались на правах арендаторов турфирмы. Чиновники, наверняка уже заключавшие договора с ними, перезаключили заново, не думая вообще про исчезающую популяцию царь-рыбы, которую могли бы ловить и создаваемые наши рыбацкие артели-сезонники. И не происки ли, как говорят, капиталистов, что гибнет сёмга от какой-то неведомой болезни. Недавно показывали по телевидению, как в Териберке жгли автомобильными покрывками не десяток, а несколько сотен тонн этой прекрасной рыбы.

Турфирмы все обслуживают иностранных туристов-рыболов. Истинные барыши коммерсантов – тайна великая есть. И поступление в местный бюджет от их деятельности – не более одного процента.

Недовольство местных жителей вызывают тарифы на коммунальные услуги – самые высокие в области-, плачевное состояние жилфонда, отсутствие в районном центре и Краснощелье больничных пунктов. Повальное пьянство уносит сотни жизней людей, плодит бытовую преступность. Я уже писал на страницах нашей Ловозерки об этом, но мер, к сожалению, никто не принял и не собирается. Не открыто ни одного нового предприятия, ни одна спортивная секция, а бар открыт, где перекачиваемые деньги, несомненно, идут в карман частникам, а не государству, которое испокон веков занималась водочной реформой.

Проблем накопилось множество, людей понять можно. Как правило, их не интересуют высокие материи, они оценивают свою жизнь по повседневным реалиям, а сегодняшние, к сожалению, таковы, что не дают повода даже для осторожного оптимизма. Лимит доверия к администрации и её главе исчерпан. Терпение ловозерцев не беспредельно.

Бросается в глаза тональность жизни. Тишь, гладь и божья благодать. Никаких проблем. Сплошная веселуха с местным колоритом и забавы. Короче, картина маслом! Подумалось, не может быть всё благополучно в депрессивном районе.

А что власть? Живёт всласть! Она сама по себе. Мы как бы сосуществуем в параллельных мирах, не пересекаемся. За годы правления этих команд социально-экономическая ситуация в районе только ухудшилась. Сразу замечу, информацию получал на уровне слухов, домыслов, предположений, без документальных доказательств. Люди просили не называть их фамилий – мотивация понятна.

Но все они разными словами оперировали одними и теми же фактами. Бюджет района дотационный, в пределах 90%. Высок удельный вес безработных в численности трудоспособного населения.

Конечно, сельское поселение в тесном тандеме сотрудничает с учреждениями, расположенными на территории. Но надо и ещё находить общий язык, поддерживать друг друга. Надо указать, что сельское поселение на протяжении множества лет и даже столетий остаются важным и незаменимым элементом государства. И на протяжении практически всей истории человечества играют важную роль в развитии каждого государства.

Также не видно работы депутатов. Следует признать, денежное содержание народных избранников за последние пару десятков лет существенно возросло. Можно с уверенностью сказать, что слуги народа стали обходиться народу как хозяева. При социализме, например, депутаты районного, городского, областного и прочих советов работали исключительно на общественных началах. Ни на каком уровне зарплату за представительство трудящихся им не платили. Сегодня власть с успехом покупает как чиновников, так и депутатов. Вряд ли многие знают, что размер зарплаты у них прямо пропорционален.

Увеличивается зарплата чиновников-автоматически возрастает и жалование «слуг народа». Поэтому депутаты и голосуют за многократное повышение квартальных премий и прочих материальных поощрений чиновничьего, а заодно и своего собственного «изнурительного» труда. К слову, зарплата депутатов в Госдуме три года назад в среднем составляла 250 тысяч. И совсем недавно было предложено довести их зарплату до трёх миллионов. Вот где она, нищета полнейшая. В принципе, нашей демократической «власти» никакие политические партии как таковые не нужны. Сегодня у нас есть опора покруче-вышколенный аппарат чиновников, получающий весьма приличное жалование. Ведь от чиновников давно уже не требуется конкретных результатов работы. Главный критерий от их профпригодности – преданность начальству которое подчас они путают с Родиной.

Судите сами, в эпоху так называемых демократических реформ количество чиновников увеличилось в два раза. При этом уровень их заработной платы непрерывно растёт, а коэффициент полезного действия падает. Нельзя же в самом деле симуляцию бурной деятельности, растиражированную во всех средствах массовой информации, считать эффективной работой. Эти бесконечные сюжеты о славных чиновничьих делах, как и их физиономии, у большинства простых людей давно уже вызывают изжогу.

Когда – то в детстве слышал поморскую сказку, рассказанную бабушкой: суть такова. Подарил царь мужику золотую тетёрку, мужик пошёл и обменял тетёрку на коня, коня променял на корову, корову на овцу, овцу на петушка, а петушок на батожок, так и пришёл к бабке с батожком в руках. А далеко ли можно уйти с батожком в руках?

Жара

*Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейке вдвоём?*

А.А. Фет

День клонился к исходу, а низкое оплавленное солнце всё ещё жгло; и валуны, и деревянные мосточки, и земля, плохо прикрытая выгоревшей травой, да и сама трава, пылившая и хрустевшая под ногами, – всё пылало зноем.

Испепеляющий зной стоял в 1972 году в Поное, небо было раскаленным. Сквозь него, однако, беспрепятственно проникали жгучие солнечные лучи. Пришёл нескончаемо длинный день.

Солнце каталось теперь над Поноем утром, вечером, ночью. Даже небо выгорело от его света. Синева, что была по весне, слиняла. Звёзды выцвели и исчезли, а луна когда

и показывалась, то тоже белесой была: вот-вот совсем растворится на светлом небе. А земля прогрелась в округе и распахнулась: на varaках в тени кустов, на полянах в травяной поросли зацветали ягодники.

Петров день благодатный выдался. Солнце светит, тепло. На небе ни тучки. А тихо – травинка не шелохнётся. Не часто бывают в Поное такие дни. Петров день всегда приходит с большими водами. Вот и в этот год были приливные воды большие.

Солнце поднялось уже высоко, зной съедал голубизну неба, оно становилось белесо-мутным. Жар волнами наплывал сверху, приглушая все звуки, кроме негромких всплесков волн, облизывающих горячие камни – гольши. На эти мокрые валуны почему-то непрерывно садились бабочки-капустницы, пошевеливая белыми усами до того мгновения, пока не накатывалась очередная волна.

У причала, где обычно останавливались доры и баржи, уже несколько минут плавали у дор и барж, хохоча и дурачась, вздымая радуги водяных брызг, мальчишки. Прыгали с кают барж, слава богу, вода ожила и подходила уже до полной. Июль не принёс ожидаемого дождя, в Поное стояла сушь, такая, что и старики не упомнят. Жухли от солнца трава, деревья, не было совсем ветра. На колхозных полях капуста и репа сушили неурожай, не росли по буграм и в тундре грибы. А солнце каталось по небосводу не заходя, старательно и нещадно сушило землю.

Лишь после полудня побрызгал немного сиротский дождик- и снова в небе ни облачка. Да, сорнякам июньские и июльские суховеи были нипочём, даже в благодать, особенно свирепствовала сурепка, к июлю она буйно расцвела, иные овсяные полосы совершенно закрыла жёлтым своим огнём, – точно расплавленное солнце растекалось по земле в разные стороны. Хотя утро разгорелось росное, парное. Грозивший ночью дождь так и не пошёл, начавшийся было ветер утих, вместе с проблесками нового дня откуда-то накатился не по – утреннему тёплый воздух, листья и трава вспотели, на низких местах закурились туманы, задышала река. По вечерам солнце, большое и багровое, медленно тонуло в мути, утрами, такое же распухшее и красное, поднималось из-за гор, равнодушно совершало над Поноем свой извечный круг и снова садилось, окутанное всё той же зловещей дымкой. Одна вскоре оно всё же поутомилось. Теперь поднималось уже не так высоко, как раньше, тепло и свет его поубавилось; когда подходило к северу, опускалось каждый раз ниже, а потом и прятаться за горизонт стало. В эти часы приходила спасительная прохлада. Но ночи светлыми оставались в лёгких сумерках, и улицу видно сквозь. После парной духоты дня понойчане как ожили. В домах – открытые настежь окна. Посреди улицы, на лужайке молодёжь и женатые мужики играют в лапту. На улице разгорячённые голоса, смех.

Подошёл конец августа, и в солнце не стало уже силы, а жара была только видимостью жары. Присутствовало во всей природе что-то лихорадочное, что-то горькое и тайное, торопливое, как в бабьем лете, хоть и далеко было до него. Ночи стояли уже туманные, холодные, росистые. Луна над рекой и туманом всходила близкая и красная. Но лето держалось, держалось пыльно и пекло, пока наконец вчера не прошёл обильный дождь с градом, после которого сразу придвинулась осень, объявились вдруг первые жёлтые листья, красно-коричневые загорелись дороги, заросшие подорожником.

Забой оленей

*Как испаряются, дрожат рогами
Стада оленьи издалика!...*

Андрей Вознесенский

Прошла затяжная непогодливая осень, ударили морозы и выпал глубокий снег. Наступила пора забоя. Установилась зима. Стоял на исходе октябрь, пора холодная и мрачная, сильная моряна¹ вздымала и кидала в глаза мокрые листья, кончался листопад.

В губе гуляла непогодь, рвала карбаса,² мы торопились на Кузьмин на старой и ветхой доре. Было зябко. Резкий ледяной ветер, свидетельствующий о близости моря, то гудел, то стонал, дора неслась, раскачиваясь и вздрагивая, убегая от попутной волны. Небо черно от нависших туч. Вокруг мрак и непрерывный гул бушующего моря. Изредка лишь из-за мчавшихся клочковатых облаков вдруг выглядывала полная луна, освещающая своим таинственным серебристым светом холмистое море, несущую дору и рассыпающиеся у носа алмазные брызги верхушек волн. И снова мрак ледяной осенней ночи в море, куда дора попала, посланная председателем колхоза на забой.

От пронзительной моряны все продрогли и пристали к берегу у фактории Лахта. Ветер, однако, не стихал, и волны белогривым табуном налезали на низкий берег. Из гнилого угла, как лохматые быки, медленно шли тучи и волочили тяжёлые серые космы по гребням волн. Стоял 1968 год. В этот год проводили последний забой на Кузьмине. После долгих споров было решено перенести забой на Корабельный, с экономической точки зрения – это было ближе, и морем ехать не надо.

В тот год мы с Василием Русиновым не поехали в школу и на год остались поработать в колхозе. И вот теперь и нас тоже отправляли на забойную кампанию.

Уезжали из деревни с поворотной водой – это момент, когда всякое течение на море прекращается. Четыре раза в сутки бывает такое: при полном отливе или полном приливе. Пойдёт вода на убыль-течение вдоль берега с запада на восток, к горлу Белого моря. Но наступает отлив, куйпога, как говорят местные жители, замирает ненадолго вода в море, а затем течение как бы вспять поворачивает – уже с востока на запад. И так до полного прилива. Лёд провис, впал над пустотой, затянулись трещины, словно резанные раны, и лишь кое-где, у огромных снежно-ледяных торосов, виднелись пристывшие провалы воды. Сквозь тонкий стекольный ледок зияла глубина, и далеко внизу серо мерещилось галечное дно. Вода была зеленоватая, полуморская, полусолёная. Из-за гор вставало над морем голубая зимняя луна. Луна казалась глыбой льда, отколовшейся от гор. Сквозь редкие облака пробивалось скупое полярное солнце, оно во всём сиянии поднялось над горами, пробив из края в край пучками ломких спиц, раскрошившихся в быстро текущих водах Поноя. Лёгкий восточный ветер гнал рябь по реке. На селе было пустынно и тихо. Пока собирались, ветер сменился и совсем разошёлся, а с ветром на Поное, да ещё с северным (моряна), шутить нельзя: доры старые, моторы почти утильные, правда, лоцманы бывалые. Чем ближе море, тем сильнее напоры ветра. По Поною уже ходили беляки, ветер налетал порывами, шум то нарастал, то опадал, шторм набирал силу, разгоняя с реки лодки и мелкие катера. Переходили на подветренную сторону, под крутой берег. Через нос доры било, порой накрывая всю её волной. Мы вперебой выхлестывали ведрами воду за борт. Моторишко, старый, верный моторишко работал из последних сил, дымясь не только выхлопом, но и щелями. Звук его почти глохнул, натужно всё в нём дрожало, когда оседала корма и винт забуривался глубоко, дора трудно взбиралась по откосу волны, а, выбившись на гребень, на белую кипящую гору, мотор, бодро попукивая, бесстрашно катил её снова вниз, в стремнины, и сердце то разбухало в груди, упиралось в горло, то кирпичом опадало аж в самый живот.

Днище доры скрежетнуло о подводный камень – луду, мотор поперхнулся, зауросил, но под властной рукой Ивана Фёдоровича выправил ровный бег и повлёк посудину в кипящую толчею, туда, где русло неожиданно расступалось и из-за песчаной пологой косы наотмашь захлестывало море. Волны часто захлопали о борта, взводень³ плеснулся о тупые скулы доры и обвеял всех водяной пылью.

Мужики сразу очнулись, словно бы пробудились, стали кутаться в то, что находили под рукой, ибо как бы вдруг похолодело, воздух выстудился, окутал тело, старался пробить одежды. Осень – куда денешься: тут в море без тулупов и овчин не суйся даже летом, иначе заколеешь, как кочерыжка, язык во льду зальдится и руки будет не поднять, чтобы убрать из-под носа зелёные вожжи. Вороха облаков прогнулись над вспухшей водой, точно небрежно навитые валы сена, они уходили в дальний край, где море переливалось в небо, но меж теми ворохами, хоть бы блесток сини нашёлся, хотя бы крошечная лужица солнечной влаги – там студенистый мрак возносился, едва сочась дождём. Теперь, считай, до самой зимы заколодило, до ноября осень развесила свои полотенца, и знать, от их гнетущей тяжести едва колебалась морская бездна, и лишь черная слоистая рябь тихо накатывалась, как по стеклу, не тревожа глубин. Деревня, прежде скрытая за бугром, как бы вывернулась из затайки, сейчас хорошо видимая глазу. Она свинцовой подковой легла у излучины реки, вила редкие дымы, вялые, белесые, но отсюда, с морской равнины, казалась особенно родимой, домашней.

Тянуло колючей изморозью. Студеным ветром дышало всё вокруг. Чутко трепетал обглоданный жадной осенью видимый на берегу кустарник. Вместе с порошей на землю, спрятанную от людских глаз, старой волчицей ложилась бессонная ночь, когда мы подошли к Кузьмину.

Но вдруг взошла огромная оранжевая луна, засквозило морозцем. С моря приходит туман, понизу жидкими размокшими хлопьями бьётся о чёрные глыбы мыса, моросит. Ширится прилив, белыми гребешками, закипая, шипят волны. Уже видны гладкие блескучие спины выныривающих белух.⁴ С моря медленно, взрывывая сиреной, подходит СНЛ «Умба». Увязая в незамёрзшем береговом иле, спустились к воде, под которой сверкал твёрдый песок; выбрались на отмель, усланную колотым льдом. В первой же чистой губе обнаружили навагу. Было её так много, что она лежала темными пластами, а когда мы сунули в воду сачки – взбунтовалась, закипела, будто снизу разожгли костёр, подняла со дна песок. Сделалось тесно в губе, навага шелестела плавниками, прыгала на отмель. Поддели сачками, едва вырвали их из воды, плеснули на лёд крупную сизо-белую рыбёшку. Дальше пробиваться ближе к берегу было уже невозможно, чтобы выгрузить вещи. Лёд у берегов, и лёд в море. От доры⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.